

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4322976>

Эхо сквозь года

Направленность: Слэш

Автор: [chellefic](#)

Переводчик: [Stingberry \(https://ficbook.net/authors/607047\)](https://ficbook.net/authors/607047)

Оригинальный текст: http://archiveofourown.org/works/339204?view_adult=true

Соавторы: [forever_fendy \(https://ficbook.net/authors/1026451\)](https://ficbook.net/authors/1026451)

Фэндом: Шерлок (BBC), Дойль Артур Конан «Шерлок Холмс» (кроссовер)

Пейринг или персонажи: Шерлок Холмс/Джон Ватсон

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Флафф

Размер: Миди, 60 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Саммари от автора: Мама Шерлока прислала из Сассекса сундук на Бейкер-Стрит 221-В. Содержимое этого сундука полностью изменит взгляды Шерлока и Джона на самих себя и друг на друга.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

- Что это? - спросил Джон, протискиваясь в квартиру. За время его отсутствия на пороге успел возникнуть сундук из темного дерева.

- Мама прислала, - не отрываясь от компьютера, отозвался Шерлок. Он не пошел в кино вместе с Джоном, сославшись на "дела поважнее" - впрочем, так и не уточнив, какие именно.

- Там что, твои детские вещи? - Джону было интересно, что в случае Шерлока скрывалось под понятием "детские вещи". Скорее всего, микроскоп и останки расчлененной лягушки. Или фото. Джону хотелось бы посмотреть на Шерлока в детстве - вдруг в сундуке окажется снимок, где ему два года и он весь перемазан именинным тортом. В конце концов, все родители на западе хранят подобные фотографии.

- Вряд ли. Это сундук из дома моего двоюродного деда, который был пчеловодом в Сассексе.

Ну конечно. Джон был убежден, что Холмсы отлучают от семьи каждого, кто не сможет себе найти какое-нибудь экстравагантное хобби.

- Понятия не имею, зачем она его прислала, - продолжал Шерлок. Пошарив в кармане пиджака, он бросил Джону какой-то предмет. Тот ловко его поймал. Предмет оказался ключом. - Можешь отпереть, а то лопнешь от любопытства.

Даже не удивляясь тому, что Шерлок так легко его раскусил, Джон опустился на колени перед сундуком.

- С такими раньше путешествовали, - сказал он, проводя руками по обитым темной кожей крышке и бокам сундука с латунными застежками. Ключ легко скользнул в скважину. Джон провернул его, вынул и только потом откинул крышку.

Сверху находился ящичек кедрового дерева, где в беспорядке лежали различные предметы, в том числе большая лупа и обрывок веревки. Достав ящик из сундука и отставив его в сторону, Джон обнаружил под ним залежи тетрадей в черных и коричневых переплетах. Тетради были разного размера, из них торчали разрозненные клочки пожелтевшей бумаги. Джон взял тетрадь из средней стопки и раскрыл ее.

"3 апреля 1883 года.

В то утро я был разбужен Холмсом. Тот стоял возле моей кровати и объяснял, что нас ожидает посетительница, некая мисс Элен Стоунер. Ее привели сюда обстоятельства смерти сестры, которую нашли мертвой в запертой комнате. Как и следовало ожидать, Холмс был полон воодушевления - впрочем, в присутствии посетительницы ему удавалось это скрывать. На свете существует не так много вещей, которые мой дорогой друг любит так же сильно, как смерть в запертой комнате."

- Шерлок, послушай-ка, - Джон обернулся. Когда Шерлок поднял на него взгляд, Джон прочитал ему этот абзац.

Разумеется, стоило Джону дочитать до слов “запертая комната”, как Шерлок встал из-за стола, опустился на пол рядом с Джоном и требовательно протянул руку. Джон передал ему тетрадь, а сам взял другую и принялся перелистывать страницы.

- Это дневники!

- Очевидно.

Джон пробежал глазами страницу - на ней неизвестный мемуарист повествовал об инспекторе Скотленд-Ярда Грегсоне, которого дедушка Шерлока неоднократно консультировал по поводу расследований.

- Твой двоюродный дед был консультирующий детектив, - Джон позволил себе подчеркнуть слово “консультирующий”, намекая, что на самом деле Шерлок не является первым в истории консультирующим детективом.

- Похоже на то.

- Ты что, не знал? - спросил Джон.

Шерлок покачал головой.

- Мой двоюродный дед был младшим из трех сыновей, родился гораздо позже первых двух и, насколько я понимаю, едва знал своих старших братьев. Я всегда считал, что нам с Майкромфтом достались наши имена только потому, что отцу хотелось позлить нашего деда.

- Ну что, ты уже разобрался, как именно умерла та женщина? - Джон кивком указал на дневник у Шерлока в руках.

- Разберусь.

Ну конечно, разберется. Он ведь Шерлок Холмс.

Джон снова углубился в чтение тетради, лежащей у него на коленях.

Они с Шерлоком провели несколько часов, разбирая дневники безымянного автора. Конечно, в том, что человек в собственных дневниках не называл себя по имени, не было ничего необычного. Тем не менее, Джону хотелось знать - кто он, этот неизвестный парень, который мог уживаться с Шерлоком. Похоже, тот Холмс был настолько же утомительным, как и современный экземпляр. Только с викторианскими причудами.

Когда у Джона громко заурчало в животе, они заказали карри, а потом, за едой, продолжили изучать дневники, зачитывая вслух наиболее интересные отрывки. В стремлении опередить своего предка Шерлок с головой погрузился в разгадки

головоломок. “Да кто станет нанимать одних только рыжих? Это какая-то афера”. Или: “Чья лошадь, тот ее и выкрасил - очевидно же”. Джона настолько забавляли эти реплики, что он даже не пытался вставлять собственные комментарии.

Как Джон ни держался, но глаза у него в конце концов стали слипаться.

- Ну ладно, - он поднялся и принялся собирать посуду с остатками еды. - Я спать.

Шерлок отмахнулся.

Оставив тарелки в раковине, Джон вернулся в гостиную и, проходя к лестнице мимо Шерлока, потрепал того по плечу. Не было никакого смысла отправлять Шерлока спать, Джон и пытаться не стал.

- Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, Джон. Приятных снов.

Джон проснулся, когда солнечный свет уже струился сквозь шторы. Заглянув по пути в туалет, Джон спустился на кухню и поставил чайник. Как и следовало ожидать, Шерлок во вчерашней одежде валялся на диване с дневником на груди.

- Доброе утро, - сказал Джон.

- Доброе, - Шерлок повернул голову в его сторону.

- Я смотрю, ты оторваться не можешь?

- Да, захватывает, - Шерлок приподнялся на локтях, принял сидячее положение и добавил: - Ни за что не догадаешься, что я обнаружил.

- Ага. Поэтому тебе придется самому рассказывать.

- Я узнал имя нашего таинственного мемуариста, - у Шерлока дрогнул уголок рта. - Джон Ватсон.

- Да ну тебя.

- Я серьезно, - покачал головой Шерлок.

- Нет, правда?

- Не такое уж и редкое имя.

- Ну, наверное, - сказал Джон, направляясь на кухню. - Все равно, бред какой-то. У твоего двоюродного деда - Шерлока Холмса - был друг, которого звали Джон Ватсон.

- Скорее, это просто маловероятно, - Шерлок встал с дивана, поплелся на кухню вслед за Джоном и, когда тот стал наливать воду в чайник, добавил: - Мне тоже чаю.

- "Пожалуйста".

- Пожалуйста.

- Ничего, когда-нибудь и ты освоишь правила хорошего тона для дошкольников, - утешил его Джон и занялся завтраком.

- Другой Джон Ватсон, который ведет дневники о расследованиях другого Шерлока Холмса... Ерунда какая-то, - сказала Сара.

- Вот и я так сказал, - Джон утвердительно пошевелил палочками для еды, а затем снова атаковал ими свой ло мейн. Стояла хорошая погода, и они с Сарой решили пообедать в парке рядом с клиникой.

- И что, там все такое чопорное и викторианское? - Сара сделала большие глаза и лукаво улыбнулась.

- Тот Ватсон пишет, что дед Шерлока был "богемным".

- Про твоего Шерлока такое не скажешь.

- Да уж, - Джон подцепил палочками водяной каштан, поднес его ко рту, но вдруг остановился. - Шерлок от этих дневников прямо оторваться не может. Читал их всю ночь.

- Ничего удивительного. Наконец-то он нашел такого же, как и он сам.

- Ну да, наверное.

Когда Джон вернулся домой, Шерлок сидел на диване - уткнувшись подбородком себе в грудь, скрестив руки на животе и, естественно, водрузив ноги на журнальный столик. По крайней мере, он принял душ и переоделся, а не торчал весь день в пижаме и халате.

При виде Джона Шерлок поднял голову, но не произнес ни слова.

- Чаю? - предложил Джон.

- Да, спасибо.

- Нашел еще что-нибудь интересное? - спросил Джон, наливая воду в чайник.

- Кое-что.

- Про Джека-Потрошителя?

- Нет, - Шерлок улыбнулся.

- Значит, не перевелись еще загадки в викторианской эпохе?

- Тут кое-что поинтереснее.

Поставив чайник, Джон вернулся в гостиную и встал возле дивана.

- Что там у тебя?

- В сундуке оказался тайник, и там лежали эти тетради, - Шерлок протянул Джону одну из них.

- И что это такое?

- Лучше сам почитай, - Шерлок встал с дивана и отправился в ванную.

Джон взял дневник, устроился в любимом кресле и принялся за чтение.

“Узнай Холмс о моем решении, он никогда бы мне этого не простил. Но теперь его нет, а я - как и в случае его мнимой смерти много лет тому назад - ищу утешения в словах. Быть может, повествуя о том, кем был для меня Холмс, я смогу продлить для себя время, проведенное в его обществе. Пока не пробьет и мой час.

Впрочем, сейчас мои записи вряд ли смогут кому-нибудь навредить, а сам я надеюсь, что когда-нибудь эти строки увидят свет. И произойдет это в более милосердные времена - в конце концов, колесо истории продолжает вращаться. Возможно, однажды колесо повернется в направлении принятия обществом и таких людей, как Холмс или я. Как знать - может, наша история будет обнародована в такое время, когда подобные откровения смогут помочь обретению такой терпимости.

Взявшись за перо, я поклялся предать бумаге все то, о чем умолчал в своих дневниках. Все то, о чем не представляется возможности упомянуть даже шепотом, не закрыв предварительно двери и не задернув шторы. Но сейчас...”

Здесь текст обрывался. На странице была небольшая клякса, похожая на влажное пятно, и Джон не мог избавиться от возникшего образа: тот, другой Джон Ватсон склонился над дневником при свете одинокой лампы, а по его щеке бежит слеза.

“Как облечь в слова чувство от утраты всего, вокруг чего вращалась твоя жизнь? Холмс был солнцем, а я - спутником, попавшим в поле его притяжения. Сам он посмеялся бы над моей сентиментальностью: “Мой дорогой Ватсон, какая мелодрама”, - и тут же напомнил бы мне, что в свое время именно я приблизил к себе Холмса, изменив тем самым и его путь, и его самого. Нет никакого сомнения в том, что я оказал на Холмса такое же влияние, какое он оказал на меня - то, какими мы стали, являлось результатом и нашего с

ним взаимодействия, и той жизни, которую мы с ним вели.”

Засвистел чайник. Джон сглотнул - ему не хотелось выпускать дневник из рук. По крайней мере, теперь было ясно, почему у Шерлока был такой странный вид: и в самом деле непросто читать о сокровенных переживаниях другого человека, изложенных подобным образом.

Неохотно поднявшись, Джон отправился на кухню. Оставил там завариваться чай для Шерлока, а сам вернулся в гостиную, где поставил свою чашку на столик и снова взялся за дневник. И пусть его содержимое не было таким уж легким для чтения, Джону хотелось как можно больше узнать о своем тезке и его жизни с тем, другим Шерлоком Холмсом.

“Его отсутствие ощущается как потеря конечности. Много лет назад Холмс уже исчезал, и я три долгих года пребывал в уверенности, что мой друг погиб. Казалось бы, в этот раз я должен быть готов к такой потере, но даже тогда, после возвращения Холмса в Лондон, ко мне, я никогда не забывал про боль “хиатуса”, как мы с ним стали называть ту нашу разлуку. Теперь же, когда несчастье постигло меня после десятилетий совместной жизни и партнерства (пусть и не всегда полных блаженства), все обстоит гораздо хуже.

Холмс покинул меня. Умер. Ну вот, я и написал это - черными чернилами на белой бумаге. Сделал факт неопровержимым. Холмс - мой великолепный, несравненный друг - умер, и на сей раз не может быть никаких сомнений. Я до последнего мгновения держал его в своих объятьях, гладил его поредевшие волосы, прижимался губами к его лбу, чудом сдерживая свое горе до тех пор, пока Холмс не испустил последний хриплый вздох. Ему не хотелось бы видеть мои слезы.

Всеми виной стали его легкие, которым в течение многих лет вредили сигареты и трубки. Похоже, я направлял все свои усилия на искоренение одной зависимости Холмса, совсем забыв про другую.

Перед самым концом он шепнул мне кое-что, но я не могу заставить себя записать эти слова даже здесь. Некоторые вещи не должны оставлять следов.

В первый раз я потерял Холмса в апреле 1891 года. А три года спустя он ко мне вернулся.

После того, как моя дорогая Мэри скончалась от чахотки, я согласился вернуться на нашу старую квартиру, к роли друга и коллеги единственного в мире консультирующего детектива.

Даже после исчезновения своего заклятого врага Холмс продолжал находить все новые и новые дела. Постоянные дедукции, логические построения и погони не давали его неукротимому интеллекту погрязнуть в праздности. И я был рядом с ним.

При всем сходстве с нашей прежней жизнью, теперь все обстояло иначе: воздух между нами был насыщен невысказанными словами, а сам я колебался между радостью по поводу возвращения Холмса и негодованием, вызванным его жестоким обманом.

Сам Холмс, похоже, вознамерился забыть обо всем, что произошло за последние годы. Казалось, он считал, что я никогда не женился, а он никогда не бывал на том проклятом водопаде, не инсценировал свою смерть и не скитался несколько лет по свету - один, не имея при себе ничего, даже имени.

Спустя два месяца после его возвращения ручеек наших новых расследований обмелел (по иронии судьбы это сопровождалось воистину бесконечным ливнем), и напряжение между нами достигло апогея.

В тот день мы не смогли, как планировали, отправиться слушать симфонию - дождями смыло дороги. Облокотившись на каминную полку и попыхивая трубкой, Холмс устремил отсутствующий взгляд на огонь, который мы развели в попытке избавиться от адской сырости в квартире.

- И ни один из ваших экспериментов не требует вашего внимания в данный момент? - осведомился я, отчаянно пытаюсь отвлечь его от неминуемой хандры.

- Нет.

- Может, дополните одну из ваших монографий?

- Нет.

Мне хотелось услышать что-нибудь еще, кроме бесконечного стука дождя по стеклу.

- А на скрипке...

- Нет настроения.

Именно этого я и боялся. С момента своего возвращения Холмс не приближался к проклятому несессеру и его содержимому, и мне не хотелось, чтобы теперь это все-таки произошло.

- Расскажите мне про ваши путешествия, - попросил я.

- Про путешествия? - Холмс обернулся и посмотрел на меня.

- Вы, должно быть, повидали много замечательного.

- Если считать замечательной смолу.

- Смолу?..

- В Монпелье я занимал себя изучением производных каменноугольной смолы.

- Но это же...

- ...скучно? - предположил Холмс.

- В самом деле. - Мой ответ был вознагражден подобием улыбки. - Но ведь вы наверняка занимались и детективной работой.

- Я выслеживал только людей Мориарти. Нельзя было рисковать, - покачал головой Холмс.

Невозможно представить, что на такой длительный срок Холмс оказался лишен своей работы. Несомненно, для него это было сродни самой жестокой пытке.

- А чем вы еще занимались? Не могли же вы три года изучать только одну каменноугольную смолу.

- Я работал на винограднике.

- На винограднике? - в моем воображении возник образ Холмса, который с закатанными штанинами давит ногами виноград. Это было настолько нелепо, что я улыбнулся. - Да что же вы там делали?

- Ухаживал за виноградом, - Холмс плюхнулся на диван и водрузил на него ноги. Я в который раз подумал, что подобная поза когда-нибудь пагубно скажется на его спине. - Меня наняли, чтобы я вывел новый сорт винограда - более устойчивый к болезням растений.

- И вам это удалось?

- Разумеется. Но работа была скучной, Ватсон, очень скучной. Вы не представляете себе, насколько. Мне было до такой степени тоскливо, что я воображал, будто нахожусь в каком-нибудь другом месте.

Услышав такое откровение, я выпрямился. Холмс нередко ругал сотрудников Скотленд-Ярда за отсутствие воображения и сам высоко ценил это качество - но лишь в тех случаях, когда оно требовалось для поиска практического решения текущей задачи. Во всех остальных случаях он никогда не видел особого смысла в "полете фантазии": этот термин он частенько употреблял для пренебрежительных отзывов о моих любимых приключенческих романах.

- И куда же вас уносило ваше воображение?

- В Египет. Я представлял, как исследую великие гробницы фараонов, открываю доселе неизведанные тайники, расшифровываю иероглифы. Очевидно, за пять лет в вашей компании я заразился романтизмом, - судя по тону Шерлока, он был явно доволен этим фактом.

Я улыбнулся, представив себе картину: где-то в катакомбах мой друг склонился над старинными письменами с факелом в руке и внимательно их изучает.

- И мумии там тоже были?

- Естественно. Хотя определить причину их смерти было затруднительно, - Холмс улыбнулся мне в ответ.

- Применительно к мумиям это и правда затруднительно, ведь они забинтованы, - согласился я. Холмс улыбнулся еще шире - в его случае это было равноценно смеху. Сперва он признался, что в своих фантазиях уносился в далекие края, а теперь почти смеялся. Я оказался на грани полного изумления.

- А я с вами был? - судя по рассказу Холмса, я пребывал в почти полной уверенности, что так все и обстояло (мысль о том, что Холмс представлял себе наши совместные приключения, оказалась довольно приятной), но мне хотелось, чтобы мой друг сказал это вслух.

- Да, - Холмс отвел взгляд, и я отчетливо понял, что здесь что-то не так.

- А еще где-нибудь мы путешествовали?

- По Греции.

- Всегда хотел побывать на развалинах в Афинах.

- Знаю, дорогой друг.

За десять лет нашего знакомства мы неоднократно делились друг с другом мечтами о том, куда бы нам хотелось отправиться. При мысли, что Холмс путешествовал по свету, пока я сидел дома и оплакивал его кончину, мне стало больно.

- Я вижу, мы снова злимся, - заметил Холмс.

Он и прежде угадывал мои мысли, наблюдая за тем, как часто я моргаю или шевелю пальцами, но еще никогда это не выводило меня из себя больше, чем сейчас.

- И я имею на это полное право.

- Конечно, друг мой. Конечно."

- Чай остыл.

- Что? - Джон повернулся на голос.

Шерлок стоял на кухне и держал в руке чашку.

- Чай остыл.

- Так разогрей его в микроволновке.

- Хочешь, я и тебе разогрею? - Шерлок взглядом указал на чашку Джона, к которой тот так и не притронулся.

- Было бы неплохо, спасибо. Очень захватывающе, - Джон показал дневник Шерлоку, пока тот забирал у него чашку.

- Ты еще не добрался до самого интересного.

Судя по тому, что Джон уже успел прочесть, "самое интересное" включало в себя описание таких интимных отношений, которые считались в викторианской Англии незаконными.

Он вернулся к чтению.

"Его смиренный тон не слишком меня смягчил. Впрочем, на более искренние извинения от уверенного в своей правоте Холмса рассчитывать не следовало.

Поднявшись с дивана, Холмс подошел к буфету, откупорил коньяк и разлил его по бокалам. Я воздержался от комментариев по поводу слишком раннего часа и принял протянутый мне бокал.

Холмс не стал возвращаться на диван. Вместо этого он присел возле камина с кочергой в руке и принялся без видимой необходимости ворошить поленья.

- Если это вас хоть как-то утешит, прошедшие годы были трудными и для меня.

Малодушная радость, которую я ощутил при этих словах, тут же отступила перед более благородным порывом: мне ни при каких обстоятельствах не хотелось видеть Холмса расстроенным.

- Сожалею.

- Я считал, что так будет проще - жить без вас на континенте вместо того, чтобы жить без вас в Лондоне, - Холмс отложил кочергу и встал.

- Вам не было нужды жить без меня. Стоило только попросить, и...

- ... и вы бы последовали за мной, куда бы я вас ни позвал. Однако опасность становилась все больше, а я не мог подвергать вас риску, мой дорогой - вам надо было заботиться о своей жене.

- Если бы я не женился...

- Тогда бы я вас во все посвятил.

- Понятно. - Я уставился в свой бокал, сердце тоскливо сжалось в груди. Если бы я не женился тогда, мне не пришлось бы горевать по Холмсу. Вместо того, чтобы оплакивать двойную утрату (ближайшего друга и любимой жены), я отправился бы на приключения

вместе с Холмсом. Дождь стучал в окна, отдаваясь эхом у меня в голове.

- Вы решили таким образом меня наказать? - спросил я. Холмс никогда не одобрял моей женитьбы.

- Ненамеренно. Но в результате получилось именно так.

Не в силах усидеть на месте, я вскочил на ноги. Мне хотелось схватить плащ и шляпу и бежать от Холмса куда глаза глядят, но из-за размытых дорог сбежать я мог только в свою комнату. Поставив бокал на столик рядом с креслом, я направился к лестнице.

- В свое время я мог целыми днями, даже неделями, быть один. В этом и заключался мой образ жизни: в стороне от других, сам по себе. Однако я не чувствовал себя одиноким. Как можно страдать от одиночества, если ты никогда не знал ничего другого?

Голос Холмса заставил меня остановиться и прислушаться.

- А потом я повстречал некоего доктора Джона Ватсона - симпатичного, но ничем не примечательного, который при более детальном изучении оказался самой неординарной личностью из всех, кого я знал. Со временем моя зависимость от его общества становилась все сильнее - присутствие этого человека проливалось бальзам на те мои раны, о существовании которых я прежде и не догадывался.

- Холмс, - я обернулся к нему.

- Теперь я знаю, что такое одиночество, - глядя на огонь, продолжал Холмс, - и нахожу, что это чувство мне не нравится.

Такое заявление из уст Холмса оказалось совершенно беспрецедентным. Обычно он не был склонен настолько открыто выражать свои чувства.

- Мне оно тоже не нравится, - я был под впечатлением от его слов, и мой голос прозвучал хрипло.

- Я прошу прощения за всю ту боль, которую я вам причинил.

- Очевидно, вы не единственный, кому нужно просить прощения. - Я подошел ближе. Наши взгляды встретились. - Я не хотел вас обидеть.

Я положил руку ему на плечо.

- Вы поступили так, как поступил бы любой порядочный человек, - кивнул Холмс.

Среди моих знакомых он был единственным, кто мог бы осудить человека за порядочность, но сейчас в его тоне не было и намека на иронию. Холмс снова перевел взгляд на огонь. Так мы и стояли долгое время, а моя рука все лежала у него на плече.

Когда Холмс снова на меня посмотрел, в его взгляде промелькнуло что-то неуловимое.

- Холмс?.. - я наклонился чуть вперед.

На мгновение мне показалось, что Холмс подался мне навстречу, но тут же он сделал шаг назад, и моя рука соскользнула с его плеча. Холмс отвернулся и залпом допил свой коньяк, затем вернулся к буфету и налил себе еще.

Не сводя взгляда с Холмса, я подошел к креслу, взял бокал и тоже отхлебнул янтарной жидкости.

Мельком посмотрев на меня, Холмс снова опустился на диван и уставился в свой бокал, избегая моего взгляда.

Годы жизни под одной крышей с Холмсом научили меня не придавать значения некоторым условностям, поэтому я продолжал смотреть на своего друга. Тот по-прежнему сидел неподвижно, но по тому, как были напряжены его плечи, я понял, что ему очень хочется пошевелиться.

- Холмс, - мягко позвал я.

- Ватсон, - ответил он и наконец-то на меня посмотрел.

- Вы же знаете, что можете поделиться со мной всем, чем угодно.

- Знаю, - Холмс снова уставился в бокал.

Заставить Холмса открыться - сложная задача, и за годы нашего знакомства мне удавалось справиться с ней всего раз или два. Тем не менее, меня не покидало ощущение, что мне снова придется это сделать, чтобы раз и навсегда прояснить сложившуюся ситуацию.

Я поставил на столик свой почти нетронутый бокал - раз уж мне суждено противостоять Шерлоку Холмсу, я должен сохранять ясность рассудка. Затем я оценил свою диспозицию: если я сяду в кресло, будет слишком далеко, если на диван - слишком близко. Поразмыслив, я все же присел на диван, но расположился на дальнем от Холмса конце, чтобы между нами оставалось достаточное расстояние.

- Чем еще вы занимались, пока были в отъезде? - поинтересовался я.

- Почему вы спрашиваете? - Холмс вскинул голову и, прищурившись, посмотрел на меня.

- Должно быть, вы действительно скучали, если позволили себе дать волю фантазии, - я тоже прищурился. - Надеюсь, в вашем проклятом несессере не появились новые препараты?

Употребление Холмсом наркотиков являлось неизменным яблоком раздора все то время, что мы были знакомы.

- Нет.

Должно быть, на моем лице отразилось недоверие, потому что Холмс добавил:

- Мне были нужны мои умственные способности, Ватсон.

- Конечно, - согласился я, но меня не покидали сомнения. Я видел, что Холмса гложет что-то, связанное с тем временем, которое мой друг провел вдали от дома.

- А где еще вы побывали? Встречались ли вам интересные люди? Может, вы подружились с кем-нибудь?

Холмс посмотрел на меня так, будто я ему сообщил, что в неделе семь пятниц.

- Холмс, я же вижу - вас что-то беспокоит, - продолжал я настойчиво.

- Да что вы прицепились? - воскликнул Холмс, вскочив на ноги. - Не можете смириться с тем фактом, что в моей жизни есть вещи, которые вас не касаются?

- Нет, не могу, - я тоже встал и положил руку ему на плечо.

- Поверьте, если я говорю, что ничего особенного не произошло, так оно и есть, - на мгновение ладонь Холмса легла на мою руку.

- Но если с вами и правда не произошло ничего особенного, вы наверняка сможете поделиться этим со своим лучшим другом.

- Вот о чем я не скучал, так это о вашем упрямстве, - покачал головой Холмс.

- Скучали.

К моему облегчению, он улыбнулся.

- Я не хочу рисковать нашей дружбой из-за пустяков.

- И вы искренне полагаете, что пустяк может угрожать нашей дружбе?

- В данном случае - да.

- Холмс, после вашего возвращения между нами возникла какая-то натянутость. Вы ведь тоже это чувствуете, - Холмс кивнул. - Чем бы она ни была вызвана, меня не покидает ощущение, что эта натянутость не пройдет, пока вы не откроете мне ее причину.

- Возможно, - ответил Холмс после долгого молчания, затем вновь подошел к буфету и наполнил свой бокал в третий раз.

Моя тревога усилилась. Холмс всегда любил коньяк, но сегодня он явно употреблял его не ради удовольствия - казалось, с помощью алкоголя Холмс пытался придать себе

смелости. Принимая во внимание бесстрашие, присущее моему другу, подобная мысль вселяла в меня беспокойство.

- Поселившись в Монпелье, я стал искать в своей комнате место, пригодное для тайника, где можно было бы хранить ценные вещи: деньги и записи об организации Мориарти. Тогда я и обнаружил спрятанную под половицами книгу. Это был любовный роман, - в голосе Холмса прозвучала ирония. - Однажды мне стало так невыносимо скучно, что я его прочитал.

Я смотрел на Холмса, силясь понять, чем эта книга могла его так растревожить.

- Роман оказался довольно откровенным, - продолжал Холмс.

Такие книги не были редкостью. Я и сам являлся обладателем нескольких надежно припрятанных экземпляров.

- Я знаю, что вы превыше всего ставите интеллект, но многим людям нравятся подобные...

- Это был роман про двух мужчин, - перебил меня Холмс и сделал большой глоток коньяка.

Несколько минут я молчал. А когда снова обрел дар речи, то смог выдать лишь:

- Понятно.

Голова шла кругом от вопросов: значит ли это, что Холмс гомосексуалист? Были ли у него любовники? Почему он ничего мне не рассказал?

- Вам правда понятно? - не глядя на меня, спросил Холмс.

Он старался придать своему голосу бесстрастность, но безуспешно: я слишком долго знал Холмса, чтобы понять - тот пытается выглядеть спокойным, в то время, как сам борется со...

Со стыдом. И страхом.

Эта догадка ошеломила меня. Холмс стыдился, что чтение безобидного романа доставило ему удовольствие, и боялся, что я стану осуждать его интерес к описанию интимной близости между двумя мужчинами.

- Я рассказывал вам когда-нибудь про Тома Уилкерсона? - спросил я.

- Нет.

- Мы вместе учились в Бартсе. Уилкерсон был родом из Сомерсета, где у него остался друг Джеймс. И когда Уилкерсон рассказывал про своего друга... - Я ненадолго замолчал, подыскивая подходящие слова. - Казалось, что он преображается, как будто весь становится легче. Тогда я об этом не задумывался. Но когда Уилкерсон закончил

обучение, он переехал в Париж. И забрал Джеймса с собой. Наши ребята были шокированы, конечно.

- А вы? Вы были шокированы? - спросил Холмс, по-прежнему не глядя на меня.

- Нет, - я покачал головой. - Я хотел, чтобы мой друг был счастлив, и я не понимал, как его чувства могут навредить мне или кому-нибудь еще.

- Поразительно, - пробормотал Холмс.

Я подошел к Холмсу, который все еще стоял возле буфета, и положил руку ему на плечо. Мне хотелось заверить моего друга, что все в порядке, и покончить с этой темой, но он заговорил раньше меня:

- У них была крепкая и глубокая дружба, - его голос прозвучал хрипло и тихо.

С первой же минуты нашего знакомства я находился под действием чар Холмса. Меня завораживал его блестящий интеллект. Меня завораживал сам Холмс. Он завладел моим вниманием и воображением, как никто другой, и когда я смотрел в знакомые серые глаза, то ощущал, как меня все сильнее затягивает в поле его притяжения.

Сейчас же он выглядел настолько уязвимым, почти хрупким, что внутри у меня что-то дрогнуло.

- Как у нас, - теперь и мой голос звучал тихо и доверительно, как голос Холмса.

Холмс кивнул.

Моя рука скользнула к его затылку.

- Джон... - прошептал он. - Ради вашего и моего блага... Вы уверены в том, что делаете?

Окажись Холмс на моем месте, он бы, несомненно, уже рассчитал все возможные варианты развития событий вплоть до самого отдаленного будущего. Но я не был Шерлоком Холмсом. Я был Джоном Ватсоном, совершенно другим человеком.

Я прижался губами к его губам".

- Вижу, ты дочитал до поцелуя.

Джон вскинул голову. Шерлок сидел на диване и прихлебывал чай, водрузив свои длинные ноги на журнальный стол. Джон взглянул на столик рядом с креслом: там снова стояла его чашка.

- С чего ты взял? - спросил он.

- Понял по твоему дыханию.

- Все люди дышат.

- Ты резко вздохнул.

- Ну да, так ведь здорово же! Эти двое явно любили друг друга долгие годы и, наконец, обрели свое счастье.

- Да уж, так романтично, просто сил нет, - Шерлок встал с дивана и направился к себе, на ходу драматично запахивая халат.

- Да что с тобой такое? - спросил Джон, но вместо ответа Шерлок исчез в своей комнате, плотно закрыв за собой дверь.

“Из-за нашего напряжения и неуверенности поцелуй получился неловким: мы столкнулись носами, а моя щетина оцарапала Холмсу подбородок. Тем не менее, в воспоминаниях это мгновение запечатлелось как одно из самых прекрасных в моей жизни, потому что, когда мы отстранились друг от друга, Холмс широко, искренне, счастливо улыбался.

Я улыбнулся ему в ответ, а Холмс тихонько провел пальцами по моим губам, щекоча кончики усов. Не было нужды спрашивать, понравился ли Холмсу наш поцелуй, вместо этого я снова потянулся к нему. Холмс убрал руку, и наши губы опять встретились.

В этот раз поцелуй вышел менее неуклюжим, но все же физические ощущения меркли перед осознанием того, кого именно я целовал. Я давно боготворил Холмса, но и представить не мог, что когда-нибудь его губы окажутся на моих губах, а его руки будут обнимать меня, прижимая друг к другу наши тела.

Мужское достоинство Холмса недвусмысленно упиралось в мое бедро. Полагаю, это должно было меня шокировать, но я лишь привлек Холмса еще крепче к себе, с твердым намерением почувствовать каждый дюйм его тела - и к чертям одежду и приличия.

Не знаю, сколько времени мы тогда целовались, но по сей день стоит мне закрыть глаза, и я по-прежнему ощущаю угловатый рельеф его лица, твердость его губ, слышу его тихий стон, когда мы впервые соприкоснулись языками. К тому моменту, как мы, наконец, разъединились, мое возбуждение было столь же заметно, как и у Холмса.

- Боюсь, я поставил вас в невыгодное положение, дорогой Ватсон.

- Правда? - спросил я, слишком захваченный моментом, чтобы волноваться о том, в выгодном я положении или нет.

- У меня, в отличие от вас, было время на размышления.

- Вы думали об этом, пока мы были в разлуке.

Холмс кивнул.

- И представляли, что мы вместе.

- Очевидно.

- Чем же мы занимались? - мысль о том, что Холмс предавался такому нехарактерному для него занятию, как воображение романтических сцен, вызывала у меня улыбку.

- Целовались, - ответил он после долгой паузы.

- Очевидно.

Холмс подозрительно прищурился, но я лишь улыбнулся еще шире. Улыбка не желала с моего лица, что граничило с безрассудством: ведь мы обсуждали действия, которые могли довести нас обоих до тюрьмы. Действия, которым мы вот-вот готовы были предаться.

- Я прикасался к вам. Везде. Снова и снова, - голос Холмса звучал ниже, чем обычно. - Я изучал ваши реакции. Узнавал, что приносит вам наибольшее наслаждение.

Я с трудом сглотнул.

- И между нами была нежность?

- Конечно, - коротко ответил Холмс, как будто сухость его слов делала их менее похожими на признание.

- И любовь?

- Вне всяких сомнений.

Он представлял себе, как мы любим друг друга, потому что любит меня. Не нужно было обладать дедуктивными способностями Шерлока Холмса, чтобы прийти к подобному выводу - настолько он был очевиден. Холмс любит меня. На мгновение в памяти у меня возникли все те случаи, когда он осуждал нежные чувства. Возможно, слова Холмса служили отвлекающим маневром, чтобы скрыть от меня правду. Возможно, он отрицал свои чувства даже наедине с собой. А возможно, раньше он просто не любил меня.

Холмс меня любит. Эта мысль была настолько приятной, что я повторил ее снова. Холмс меня любит.

- Ватсон, у вас чрезвычайно странное выражение лица.

- Нисколько не сомневаюсь.

- Тем больше оснований, чтобы остановиться. Вам нужно время, чтобы обо всем поду...

Но я его уже не слушал. Холмс любит меня. Он так отчаянно по мне скучал, что воображал нас любовниками. Представлял, как дотрагивается до меня, ласкает меня, и - как он это

сформулировал?.. - изучает то, что приносит мне наибольшее наслаждение.

Я прервал его речь быстрым, крепким поцелуем.

- Мне не нужно время, чтобы раздумывать над своими действиями, - сказал я.

- Но...

Я поцеловал его снова.

- Нет, - твердо сказал я, отметая все возможные возражения Холмса. - Я займусь камином, а вы идите к себе и уберите с кровати все книги и бумаги, которые вы там разложили с самого утра. Потом я к вам присоединюсь, и вы мне покажете, что именно мы делали в ваших фантазиях.

Судя по лицу Холмса, он собирался что-то сказать, но я положил руку ему на спину и слегка подтолкнул в направлении спальни. К моему удивлению, Холмс отправился туда без разговоров.

Сегодня, оглядываясь назад, меня удивляет то, что я ни на секунду не задумался о риске, которому мы себя подвергали, и без колебаний забрался в постель к мужчине. Единственное, о чем я мог думать в тот момент, был Холмс и его любовь ко мне. И то, что эта любовь обретет форму физической близости, казалось мне правильным и уместным.

Сейчас, на закате жизни, я нахожу, что мои взгляды не изменились. Для меня не является ни постыдным, ни порочным то, что двое мужчин, которые любят друг друга так же сильно, как мы с Холмсом, выражают свою любовь посредством интимных ласк. Скорее, это отраднo и красиво. Именно это я и обнаружил в ту ночь в постели своего возлюбленного, в его объятьях - радость и красоту.”

Джон взял чашку, сделал глоток и поморщился: чай остыл. После второго глотка он поставил чашку обратно.

Радость и красота в объятьях любимого человека. Джон уже много лет такого не испытывал, но был рад прочитать о том, что кто-то это испытал. Пусть даже эта история и становилась более личной от того, что ее героев звали Джон Ватсон и Шерлок Холмс.

“Когда я вошел в спальню Холмса, тот завязывал галстук. Бумаги и книги, обычно служившие украшением его кровати, громоздились в кресле у окна неустойчивой стопкой. Шторы были задернуты, а светильник расположен так, чтобы предотвратить любую попытку рассмотреть с улицы происходящее в комнате.

Я встал перед Холмсом и взял его за руки, чтобы тот остановился.

- Я сперва хотел снять галстук, но подумал - может, мне стоит подождать вас, поэтому снова его завязал, - сказал Холмс.

- Буду счастлив снять его с вас, дорогой мой. - Отпустив руки Холмса, я развязал ему галстук и бросил в направлении кресла с книгами.

Едва заметно улыбаясь, Холмс повторил мои действия: ловко снял с меня галстук и небрежно бросил его куда-то назад.

Я твердо намеревался вслед за этим избавить Холмса от воротничка, но наши губы оказались так близко друг от друга, что было бы жаль не воспользоваться представившейся возможностью, и я снова прижался губами к губам Холмса. Наш поцелуй таил в себе нечто большее, чем удовольствие или страсть. Это было счастье - чистейшее, ослепительное счастье.

Когда мы отстранились друг от друга, Холмс тихонько рассмеялся. Реакция на это была возможна только одна: мы снова стали целоваться. Я расстегнул пуговицы на его жилете и приступил к рубашке, а Холмс, в свою очередь, стащил с моих плеч сюртук. Но потом он, казалось, совсем забыл про мою одежду, глядя меня по спине. Его прикосновения были сильными и крепкими, и я наслаждался ими, несмотря на разделяющие нас слои одежды.

Когда пуговицы на воротничке Холмса остались единственными нерасстегнутыми пуговицами в комнате, я неохотно прервал поцелуй.

- Ватсон, вы сегодня чрезвычайно неорганизованный, - сказал Холмс, оценив состояние своего гардероба. Его жилет был распахнут, но до сих пор не снят, рубашка - расстегнута от воротничка и ниже, но все еще заправлена в брюки.

- Так и есть, - ответил я, принимаясь за пуговицы у него на воротничке. - Возможно, вам стоит мне помочь.

- Возможно, - сказал Холмс. И вместо того, чтобы расстегивать свои пуговицы, он занялся моими. Это был не самый эффективный способ раздеваться, потому что каждый из нас мешал другому. Но мы все-таки справились.

Когда мои подтяжки свесились вниз и рубашка упала на пол, Холмс стал гладить меня по груди, наблюдая, как волосы закручиваются вокруг его пальцев.

- Мой дорогой Ватсон, вы невероятно привлекательны. Я даже не надеюсь хоть как-то с вами сравниться.

- Полагаю, это решать мне, а не вам, - ответил я.

Несмотря на свою сухощавость, Холмс не испытывал недостатка в мускулатуре, и его стройность лишь подчеркивала этот факт. Его кожа была светлой и гладкой, и каждому ее дюйму требовалась ласка, бесконечно много ласки, чтобы возместить моему другу все то, чего он, без сомнения, был доселе лишен.

Я целовал его плечо, постепенно перемещаясь выше, и когда мои губы прикоснулись к тому месту, где плечо переходит в шею, Холмс закрыл глаза и резко вздохнул. Завороженный, я повторил поцелуй.

Холмс открыл глаза и принялся гладить меня по обеим сторонам шеи, а затем по щекам.

- Мой дорогой Ватсон, - прошептал он и поцеловал меня.

Меня окатило огненной волной: губы Холмса были и податливыми, и требовательными одновременно, а его язык снова и снова дразнил мой собственный.

Я крепко обнял Холмса, привлек его к себе, и наши обнаженные торсы соприкоснулись. Это прикосновение вызвало ощущения сродни электрическому току не только у меня, но и, вероятно, у Холмса, потому что тот судорожно вдохнул.

Продолжая горячо его целовать, я гладил Холмса по спине, наслаждаясь ощущением гладкой кожи под своими пальцами.

В мое бедро упирался его твердый член, и я понял, что изнываю от желания посмотреть на него - а может, даже прикоснуться. Отстранившись, я потянулся к его ширинке.

- Ватсон, - тихонько выдохнул Холмс.

- Хочу увидеть всё, - я возился с пуговицами на его брюках, но меня отвлекала отвердевшая плоть, скрывавшаяся под тканью. Несмотря на мои манипуляции - а, может, как раз из-за них - Холмс обнял меня еще крепче.

Одолев последнюю пуговицу, я принялся стягивать с него брюки, но тут меня постигло разочарование: я забыл снять с Холмса ботинки. Брюки остались на щиколотках и окончательно запутались, когда Холмс попытался из них высвободиться.

Я обнял его за плечи и отвел к кровати. Холмс сел на постель, а я опустился перед ним на колени, нетерпеливо развязал ему шнурки и снял сперва один ботинок, а потом второй. И лишь когда я снял с него обувь, носки и брюки, то осознал, насколько эротичными были наши позиции по отношению друг к другу: я стоял на коленях между ног моего сидящего друга, и мое лицо находится так близко от самой интимной части его тела, что я могу ощущать пьянящий мужской запах. Однако вместо того, чтобы испытывать испуг по этому поводу, я лишь сделал глубокий вдох и наклонился еще ниже, скользнув руками по бедрам Холмса.

Его ноги были покрыты тонкими темными волосами. Я сглотнул, разглядев сквозь тонкий хлопок нижнего белья гнездо еще более темных волос.

- Дорогой Ватсон, на вас слишком много одежды, - Холмс положил ладонь мне на щеку и стал гладить ее большим пальцем, привлекая мое внимание.

При звуках его голоса по моему телу пробежала дрожь, и я, не раздумывая, вскочил на ноги. На этот раз мне хватило ума начать избавляться от одежды в правильном порядке, и я поскорее стащил с себя ботинки и носки, а затем расстегнул ширинку и спустил брюки.

Холмс прижал руку к выпуклости между моих ног, и я чуть не задохнулся.

- Вы слишком соблазнительны, - улыбнулся он.

Прикосновение теплой ладони Холмса сводило с ума, и я вынужден был призвать на выручку все свое самообладание, чтобы не толкнуться бедрами ему навстречу.

- Если хотите, можете снять с меня все остальное, - предложил я.

Холмс покраснел, но не перестал улыбаться.

- Кажется, я действительно этого хочу, - он поднялся на ноги и встал так близко от меня, что расстояние между нами оказалось не более ладони.

Холмс ловко справился с завязками на моем нижнем белье. Оно упало вниз, разделив участь моих брюк, и я оказался обнаженным перед другим мужчиной - перед Холмсом. Я ухватился за его плечо и принялся выпутываться из одежды, но тут Холмс сделал шаг назад.

Я нахмурился, но тут же понял, что он просто хочет меня рассмотреть - сверху донизу и обратно.

- Вы... - Холмс покачал головой. - Никогда не думал, что смотреть на другого человека окажется настолько приятно.

- Я рад, что вам приятно, Холмс, - я взял его за руку и притянул поближе. - Тем не менее, вы поставили меня в невыгодное положение.

- В самом деле? - спросил он лукаво.

- В самом деле. - Я поцеловал Холмса в краешек губ и протянул руку к его ширинке. - Вот это нужно снять.

- Если вы и правда в невыгодном положении, то, конечно, должны снять это как можно скорее.

Улыбаясь игривости моего друга, я быстро разделался с его бельем. Как только оно упало на пол, я тут же понял, почему Холмс так отреагировал на мою наготу: невозможно было удержаться, чтобы не начать рассматривать каждый дюйм его тела. Обнаженный, Холмс представлял собой длинную, тонкую, изящную линию.

Его член не нарушал целостность этой линии, хотя и стремился вверх, словно требуя внимания - как будто я мог его не заметить. Он был воплощением возбуждения, и полностью убранный крайняя плоть обнажала идеально круглую головку.

Я провел по нему пальцами.

- О, - выдохнул Холмс и закрыл глаза.

Его член был твердым, гладким и горячим. Я погладил его по всей длине.

- Тут рядом моя кровать, - сообщил Холмс.

- Я знаю.

- Можем на нее лечь, если хотите.

- Да, - ответил я, слишком поглощенный ощущениями в своей руке, чтобы оценить по достоинству его предложение.

- Ватсон, - сказал Холмс достаточно строго, чтобы я оторвал взгляд от его члена, - я собираюсь лечь.

- Хорошо.

Холмс устроился на постели. В одежде он выглядел изящно, но без одежды - завораживающе. Я последовал за ним, впрочем, совершенно без его грациозности.

Лежа рядом с Холмсом, я обнаружил, как во мне растут робость и неуверенность. Под острым взглядом Холмса казалось, будто моя нагота была не только физической.

Долгое время Холмс не сводил взгляда с моего лица, а потом его губы растянулись в улыбке - мягкой и нежной, какой я никогда прежде не видел на его лице.

Я прикоснулся к его губам. Они были одновременно податливыми и упругими, совсем такими же, как во время наших поцелуев.

Переместив руку чуть выше, я стал гладить Холмса по щеке кончиками пальцев.

Холмс, в свою очередь, положил руку мне на бедро, затем провел ладонью вверх вдоль моего бока, и я дернулся от щекотки.

Я гладил его шею, отмечая контраст между мягкой, гладкой кожей и стальными мышцами. Холмс в это время исследовал шрам у меня на плече.

Мы исследовали тела друг друга - с помощью зрения, осязания и прикосновений губ”.

Джон сглотнул, откинул голову на спинку дивана и закрыл глаза. У него был твердый, буквально каменный стояк.

Казалось неправильным и грязным испытывать возбуждение от чужой нежности. Порно - совсем другое дело: тем людям платят, чтобы они имитировали желание и похоть. Но написанное в дневнике - не имитация. Это были чьи-то честные, искренние эмоции, а он реагировал как... как человек, к которому давным-давно никто не прикасался.

У Джона заурчало в животе.

Надо убрать дневник, может быть, принять холодный душ и заказать что-нибудь поесть.

Этим он сейчас и займется.

Джон открыл глаза, и его взгляд сразу же уткнулся в то самое место в тексте, на котором он прервался.

“Холмс застал меня врасплох, проведя языком по моему соску. От этого ощущения я вздрогнул: ни одна из тех женщин, с которыми я когда-либо делил постель, не была раскованной настолько, чтобы проделать подобную вещь. Холмс между тем сомкнул губы вокруг моего соска и принялся его посасывать. Я со стоном зарылся пальцами в его волосы.

Холмс уложил меня на спину, чтобы было удобнее продолжать ласки с другой стороны. Не давая мне опомниться, он обхватил рукой мой член. Я непроизвольно вскрикнул и подался бедрами вперед. Движения руки Холмса были медленными и уверенными.

- Мне самому нравится вот так, - прошептал Холмс. - А вам?

Действия Холмса отличались от того, что я делал наедине с собой, но я все равно кивнул. В конце концов, сейчас мне было достаточно того, что это рука Холмса. Он продолжал ласкать меня, а я жарко дышал ему в шею, обхватив за плечи.

Однако вскоре я обнаружил, что уже приближаюсь к вершине.

- Стойте, стойте, - прохрипел я, останавливая руку Холмса.

Тот нахмурился. Я поднес его руку к губам и поцеловал ладонь, а затем тыльную сторону запястья, ощущая свой запах на его коже.

- Я пока не хочу заканчивать, - объяснил я и, не давая Холмсу времени на ответ, притянул его к себе и поцеловал.

Казалось, у меня внутри полыхает огонь, а Холмс является источником и воды, и топлива, подпитывающего этот пожар. Пока мы целовались, мне были приятны ощущения от соприкосновения обнаженной кожи наших торсов. Но сейчас, когда весь Холмс, все его шесть футов и три дюйма оказались в моих объятьях, наши тела сплетались, стараясь оказаться как можно ближе друг к другу.

Холмс освободил себе достаточно места, чтобы гладить внутреннюю сторону моего бедра своим бедром. Я застонал, но мой стон растворился в поцелуе.

Никогда не думал, что мускулистое мужское тело станет для меня таким же желанным, как податливые женские формы, но так и оказалось. Очертания тела Холмса были чем-то неизведанным и пьянящим. Гладя и трогая друг друга, мы искали способы слиться

воедино.

Его член коснулся моего.

Я вцепился в Холмса, поощряя его повторить то, что вызвало такое изысканное ощущение.

Член Холмса терся о мой член, и я инстинктивно приподнял бедра.

- *Ватсон. Мой необыкновенный, исключительный Ватсон,* - шептал Холмс, целуя меня в шею.

Никогда прежде - даже после того, как я узнал, что Холмс меня любит - я не слышал от него подобных слов, сказанных подобным голосом. И не ожидал услышать.

Единственное, что я смог произнести в ответ, было его имя, которое я тихо повторил несколько раз, двигаясь в такт с Холмсом.

Вскоре после этого Холмс замер, дернулся и уткнулся лицом мне в шею, а потом расслабился в моих объятьях. Как бы я ни хотел видеть его лицо, но тогда мне было достаточно прижимать его к себе, чтобы защитить в наиболее деликатный для него момент.

Когда он пришел в себя, я погладил его по спине и волосам, целуя везде, куда только мог дотянуться.

Через несколько мгновений Холмс приподнялся на локте и протянул ко мне свободную руку.

- Я хочу увидеть, как это произойдет с вами, - сказал он, и его пальцы обвили вокруг моего члена.

Я не мог ему отказать, тем более, когда он ласкал меня с той неповторимым сочетанием решительности и нежности, которое было присуще только ему одному.

Холмс не сводил взгляда с моего лица - без сомнения, изучая и систематизируя мои реакции для дальнейшего применения. Оказавшись под столь пристальным наблюдением, мне, вероятно, стоило беспокоиться, но я лишь чувствовал себя объектом ласки и внимания. Чрезвычайно возбужденным объектом. Прикосновения Холмса начисто лишили меня самоконтроля, оставив бездыханным, стонущим, полностью во власти этих пронзительных серых глаз.

Мне не потребовалось много времени, чтобы достигнуть кульминации. Казалось, Холмс знал об этом: он замедлил движения, удерживая меня на грани в течение бесконечного мгновения, когда я даже забыл, что нужно дышать. И только потом позволил мне взорваться.

Когда я пришел в себя, Холмс крепко обнимал меня.

Несколько минут, показавшихся мне вечностью, мы просто молча лежали рядом, а затем

Холмс сказал:

- Кажется, я переоценил силу своего воображения.

В моем эйфорическом состоянии я не сразу понял, что он имеет в виду, но потом улыбнулся.

- Может быть, вашему воображению требуется больше практической основы.

- Подозреваю, что вы правы. Я окажусь перед вами в неоплатном долгу, если вы окажете мне помощь в приобретении необходимого опыта, - собственническим жестом Холмс положил руку мне на грудь.

- Мой дружеский долг не позволит мне отказать вам.

- Я всегда могу на вас положиться, мой дорогой Ватсон, - его слова были дразнящими, но тон - нет. Я повернулся, посмотрел на Холмса, чья голова покоилась рядом с моей на подушке, и увидел, что лицо его крайне серьезно.

Я погладил его по щеке.

- Да, вы всегда можете на меня положиться. Я никогда вас больше не оставлю.

- И я вас.

Приблизив свои губы к губам Холмса, я скрепил наши клятвы поцелуем”.

Джон закрыл дневник и потянулся за чашкой. Чай совсем остыл, но Джон все равно его выпил.

Стояк даже не думал исчезать - наоборот, только усилился. И есть по-прежнему хотелось. К тому же, голова грозила разболеться, если Джон не обеспечит питанием свой организм.

Он положил дневник на стол, встал и потянулся. Нужно было съесть хоть что-нибудь, но сначала придется сделать что-то с этим назойливым возбуждением. Все зашло слишком далеко, чтобы надеяться, будто оно само по себе сойдет на нет - по крайней мере, в ближайшее время. Что ж, придется взять дело в свои руки.

С трудом поднявшись к себе в спальню, Джон тут же рванул пуговицу на джинсах и спустил их вниз, а затем улегся на кровать спиной к двери.

Подтянув колени повыше, он плотно обхватил свой член. Быстро двигая рукой - меньше всего ему хотелось все это затягивать - он стал думать о Саре. Не помогало. Сейчас они были просто друзьями - хорошими друзьями, у которых нет секса.

Перед его мысленным взором возник образ двух мужчин: один высокий, худой, с тонкими

губами, другой - ниже и плотнее, с усами.

Они целовались и были без одежды.

Волна возбуждения захлестнула Джона и сконцентрировалась в области члена.

Ладно, уж если его тело этого хочет, так и быть - один разок.

В его воображении высокий мужчина (Джон отказывался думать о нем, как о Шерлоке, и даже как о Холмсе) стал поглаживать член другого мужчины в том же ритме, в котором двигалась рука Джона. Усатый мужчина изогнулся дугой, подставив шею для поцелуя.

Можно попробовать представить, как те губы прикасаются к его коже.

Этого оказалось достаточно. Джон кончил, слишком поздно вспомнив про то, что надо было запастись какой-нибудь салфеткой. Теперь придется приводить в порядок кровать.

Это все Шерлок виноват. Джон не мог точно сказать, каким именно образом, но все равно - виноват Шерлок.

Вытерев кровать и сменив рубашку, Джон спустился вниз. Шерлок сидел в своем любимом кресле, прижимая скрипку подбородком к плечу. При виде Джона он ухмыльнулся.

- Без комментариев, - сказал Джон.

Шерлок дернул струну.

- Или играй как полагается, или положи скрипку.

- А тебе сейчас не полагается быть расслабленным? - Шерлок приподнял бровь.

- Хочу заказать тайской еды. Тебе что-нибудь взять?

- Да, - помолчав, ответил Шерлок.

- Пьяную лапшу?

- Конечно.

Джон взял телефон, нажал четверку для быстрого набора и сделал заказ.

- Не понимаю, почему ты испытываешь такую слабость к романтике.

- Это не слабость, - Джон подцепил вилкой побольше Пад тая и засунул в рот.

- Разумеется, слабость, - ответил Шерлок.

Джон не понимал, почему тот сидит так близко. При наличии таких удобных кресел, как у них, Шерлоку было незачем садиться рядом с Джоном.

- Неправда, - Джон тихонько отсел подальше.

- Романтика, эмоции - это все иррационально. Они мешают думать.

- Твой дедушка продолжал свои расследования и после того, как сошелся с Ватсоном.

- Это ничего не доказывает, - со странным упрямством возразил Шерлок и отправил в рот порцию еды.

- В смысле?

- Мой двоюродный дед - уникал. В большинстве случаев любовь и похоть являются причиной иррационального, а иногда и жестокого поведения.

- Ерунда. Преступниками становятся немногие, но почти все люди рано или поздно влюбляются. - Джон ткнул вилкой в сторону Шерлока. - Скорее уж, любить неспособны только такие маньяки, как Мориарти, и вот они, по-моему, самые опасные.

- Еще один уникал.

Джон хотел возразить, но годы в армии научили его распознавать бесполезные ситуации. Он потянулся к пульту и включил телевизор.

“Когда я проснулся, было еще темно. Шерлок тихонько тряс меня за плечо.

- Вам надо уходить, - прошептал он.

В наших интересах было, чтобы миссис Хадсон или горничная не обнаружили мою нетронутую постель. Я начал вставать, но Шерлок задержал меня - положил руку мне на грудь и нежно поцеловал.

- Теперь можете идти.

Встав с кровати, я натянул брюки, собрал остальную одежду и направился к себе в комнату. Стараясь не задерживать внимания на отметинах, которые украшали мою грудь после нашей близости, я надел пижаму.

Затем я скользнул в постель и заснул, продолжая думать о Холмсе”.

Джон услышал шаги на лестнице, быстро отложил дневник и поставил перед собой ноутбук. В комнату вошел Шерлок, перевел взгляд с дневника на Джона и молча

ухмыльнулся.

- Как дела у Молли? - спросил Джон. Шерлок ходил в Бартс. Джон пригляделся к Шерлоку: не притащил ли тот чьи-нибудь части тела, которые потом могут случайно обнаружиться в тарелке у Джона.

- Я не спрашивал.

- Тебе не надо спрашивать.

- Я не применял дедукцию, - Шерлок чинно уселся в кресло напротив дивана.

- Нет, применял.

- У Молли новая кошка.

- Это хорошо, - Джон даже не пытался скрыть улыбку.

Он чувствовал себя извращенцем, но вынужден был признать, что если ему хочется дочитать дневник до конца, ему придется делать это в своей комнате, потому что Шерлок взял привычку возникать поблизости всякий раз, как Джон брал дневник в руки.

Подложив под спину подушку, Джон облокотился на спинку кровати и открыл дневник.

“- Миссис Хадсон, сегодня я буду ставить эксперимент с очень нестабильными реактивами, - сообщил Холмс нашей квартирной хозяйке, пока та собирала посуду после завтрака. - Я вынужден попросить, чтобы ни вы, ни кто-либо другой не появлялся в квартире до обеда.

- Сегодня будут вытирать пыль.

- Немного пыли никому не повредит.

Миссис Хадсон перевела взгляд на меня.

- Я не стану возражать, если уборка немного подождет, миссис Хадсон, - сказал я.

- Очень хорошо, - с явным неудовольствием согласилась она.

Едва миссис Хадсон удалилась, Холмс запер дверь.

- Ну, Ватсон, - сказал он, потирая руки, - похоже, нас оставили в покое на целых четыре часа.

- И чем мы займем это время? - спросил я, наблюдая, как он подходит к моему креслу.

- У меня есть некоторые соображения на этот счет, - Холмс остановился прямо передо

мной.

Я вытянул шею, заглядывая ему в лицо, на котором было восхитительно игривое выражение.

- И какие же? - поинтересовался я.

Холмс наклонился к моему уху и произнес:

- Я читал, что существует возможность делать довольно интересные вещи с помощью губ и рта. Мне бы хотелось проверить эту теорию, и я подумал, не окажете ли вы мне содействие в данном эксперименте.

- Я всецело в вашем распоряжении.

- Пойдемте, Ватсон, - Холмс обхватил мое запястье и потянул с кресла.

Скажи мне кто-нибудь, что Холмс не только будет испытывать наслаждение от физической близости, но и станет относиться к ней с игривым весельем, я бы ни за что в такое не поверил. Однако это оказалось правдой. Тем утром Холмс был великолепен, он улыбался и дразнил меня, пока мы раздевали друг друга - гораздо быстрее, чем предыдущей ночью.

Постель Холмса все еще хранила наш запах - и, устраиваясь на кровати, я поймал себя на том, что стараюсь как можно глубже его вдохнуть. Не давая мне опомниться, Холмс поцеловал меня. Принимая во внимание, что каких-то двенадцать часов назад он не имел буквально никакого опыта, поцелуи Холмса оказались весьма искусными: он то дразняще посасывал мою нижнюю губу, то переключался на верхнюю.

Я обнял его за плечи, откинулся на постель и позволил себя целовать.

Не успел я насытиться его губами, как Холмс переключил свое внимание на мою шею, где без труда нашел то чувствительное место, которое обнаружил прошлой ночью. Я обнял его покрепче, а он покрывал поцелуями мою кожу, и волны удовольствия пробегали от моего члена до того места, к которому прикасались губы Холмса.

Вероятно, удовлетворившись достигнутым, он принялся изучать мою реакцию на прикосновения его губ и языка - стал прокладывать дорожку из поцелуев, спускаясь от ключицы вниз по груди и поднимаясь вверх по бокам и внутренней стороне руки.

- Холмс! - ахнул я, когда тот дотронулся губами до сгиба моей руки у локтя. Это оказалось непозволительно возбуждающим.

Холмс поднял голову и улыбнулся мне, тепло и открыто. Мое сердце дрогнуло.

- Мой дорогой Ватсон, - Шерлок лег на меня всем телом, прижался губами к моим губам, и я ощутил его тяжесть, его отвердевшую плоть рядом со своей.

Я поцеловал Холмса со всей страстью, которую он во мне пробудил, а Холмс, в свою очередь, стал двигаться - его бедра скользили вдоль моих бедер, и это было столь же приятно, как и предыдущей ночью.

Мы почти сразу же нашли нужный ритм, наши тела жарко переплетались, а наши поцелуи словно развеяли все эти долгие годы, которые мы провели в разлуке.

Но тут, к моему сожалению, Холмс отстранился и устроился на коленях между моих ног.

- Вы сводите меня с ума, - сказал он, проводя рукой по моей груди, а потом обхватив мой член.

- Холмс, - я потянулся к нему.

Он покачал головой.

- Вы же согласились оказывать содействие в моем эксперименте, помните? - его рука небрежно скользила по моему члену.

- Ну хорошо, - я убрал руки, - раз уж вы так говорите.

- Напротив, я собираюсь говорить как можно меньше, - тон Холмса был непривычно озорным. Все, что я мог, все, что я хотел - принять правила его игры.

- Ваши эксперименты имеют обыкновение заканчиваться взрывом. Вы полагаете, в этот раз результат будет таким же? - спросил я как можно более невинно.

- Вы правы, - засмеялся он. - Я рассчитываю на оглушительную развязку.

Не давая мне возможности придумать ответ, Холмс склонился надо мной, и я вскрикнул, почувствовав, как он сомкнул губы на головке моего члена. Когда же язык Холмса принялся дразнить ее, я проявил больше самоконтроля и прижал тыльную сторону ладони к губам, чтобы сдерживать стоны.

Несмотря на то, что такая разновидность ласки не была для меня в диковинку (с ней меня познакомили проститутки в Индии), я оказался не готов к тому, что однажды со мной это станет проделывать Холмс. Его прикосновения оказывали на меня неопишное воздействие - ведь это была не оплаченная услуга, а акт любви, основанный на взаимном влечении. Я изнывал от желания отплатить Холмсу той же монетой: осыпать его ласками, доставлять ему удовольствие каждым моим прикосновением. Мне хотелось, чтобы он знал, как горячо любим, и какой бесцветной и пустой была без него моя жизнь.

Быть может, я шептал слова любви, но не могу за это поручиться, потому что Холмс отпустил мой член, взял в рот одно из моих яичек и принялся мягко его посасывать. Это новое ощущение окончательно лишило меня рассудка.

Холмс повторил свою ласку с другой стороны, а потом провел языком вдоль моего члена.

Когда он добрался до головки, то снова обхватил ее губами. На этот раз он сосал непрерывно, скользя ртом вверх и вниз. Удовольствие было почти невыносимым, но я не позволял себе закрыть глаза - мне хотелось видеть, как Холмс меня ласкает. Глаза самого Холмса были закрыты, а на лице застыло выражение блаженства.

Мое же собственное блаженство нарастало. Я сдерживался изо всех сил, пытаюсь отдалить кульминацию, но у Холмса, как всегда, были свои планы: не отрываясь от моего члена, он замычал.

Кульминация накрыла меня с головой. Я вцепился в плечо Холмса и беспомощно вздрагивал, пока тот глотал, не размыкая губ.

Тяжело дыша, я откинулся на постель. Холмс мягко поцеловал мой член и выпрямился.

- Это было потрясающе, - я погладил Холмса по щеке, наслаждаясь тем, что могу позволить себе такой жест. - Вы должны разрешить мне сделать то же самое.

- Я бы с удовольствием, но боюсь, что малейшее прикосновение заставит меня взорваться.

- Вы настолько возбуждены? - я окинул взглядом его фигуру, отмечая напряженный член.

- Ваш запах, ваш вкус, ощущение вашей кожи под моими пальцами, ваша твердость в моем рту - о боже, конечно, я настолько возбужден.

Я засмеялся и сомкнул пальцы на его члене.

- Да, Ватсон, это... - Холмс замолчал, а я продолжал его ласкать.

Повинуясь желанию доставить моему другу такое же удовольствие, какое он доставил мне, я уложил его на спину и вытянулся рядом. Не сводя взгляда с его лица, я продолжал свои ласки. Предыдущим вечером я не смог увидеть лицо Холмса в момент кульминации и был полон решимости сделать это сегодня, когда тот обезумеет от моих прикосновений.

Его член был изящным, слегка загнутым влево. Я сильнее сжал руку, и теперь с каждым моим движением его крайняя плоть скользила по головке члена.

Глаза Холмса блестели, его взгляд блуждал между моим лицом и руками, отмечая каждую деталь - или, возможно, только пытаюсь отметить. Его дыхание было быстрым и поверхностным, губы слегка приоткрылись, лицо выражало изумление и удовольствие - и я задумался о том, сколько информации его необыкновенный мозг сможет удержать в такой момент.

Холмс, как всегда, правильно оценил собственное состояние. Мне не потребовалось и пяти минут - и вот он уже выкрикнул мое имя, а его член запульсировал в моей руке.

Его образ во время кульминации - голова запрокинута, тело выгнулось мне навстречу - навсегда врезался в мою память. По сей день я без труда могу вызвать его в своем

воображении, стоит мне закрыть глаза.

В то утро (чуть позже) я все-таки использовал рот, чтобы привести Холмса к кульминации во второй раз. Я обнаружил, что тоже испытываю наслаждение, доставляя удовольствие таким способом. И Холмс был безмерно доволен.

Наше счастье в тот день было ослепительным. Таким же оно оставалось и в последующие дни. Поначалу мы держались по возможности уединенно: я, в отличие от Холмса, не обладал хорошими актерскими способностями и опасался, что выражение моего лица выдаст окружающим то, кем мы с Холмсом стали друг для друга. По прошествии времени я снова смог смотреть на него лишь с дружеской улыбкой на лице. Тем не менее, я делал все возможное, чтобы Холмс всегда знал, как глубоко мое чувство к нему, и как сильно мое желание”.

Джон отложил дневник и сглотнул. Он был чертовски возбужден. Ну уж нет, хватит. То, что у него встает на постельные сцены с участием дядюшки Шерлока и его Ватсоном, было в корне неправильно. Будь это просто описание секса - еще куда ни шло, но здесь дело выходило далеко за рамки секса. Те двое любили друг друга с такой страстью, которую Джон мог только надеяться когда-либо испытать.

Он потер руками лицо и решил принять душ похолоднее.

Когда Джон после душа вошел в гостиную, Шерлок возился со своим очередным экспериментом.

- Вижу, ты снова под впечатлением от истории про моего деда и его биографа.

- Отвали, - Джон протиснулся мимо Шерлока и его аппаратуры к кухонному столу и взял чайник. Душ получился весьма холодным, и ему хотелось согреться.

Джон наполнил чайник, поставил его греться и переключил внимание на Шерлока. Если пялиться на чайник, быстрее тот не закипит.

- Ты заметил, что экономку твоего двоюродного деда звали миссис Хадсон?

- Да, заметил.

- А ты не думаешь, что это странно?

- Нет.

- Почему нет?

- Семья Хадсон владеет квартирой 221В несколько поколений.

- Погоди, ты хочешь сказать, что они жили здесь? Твой дед и Ватсон жили здесь?

- Да, именно это я и хочу сказать, - Шерлок капнул из пипетки в пробирку пару капель чего-то синего. - Ну, то есть, отметить.

- Ты знал, что они тут жили? Поэтому и хотел тут поселиться?

- Нет.

- А ты не думаешь, что это немного странно: у тебя есть друг и экономка с теми же именами, как у друга твоего деда и его экономки, не говоря уже о том, что и квартира та же самая?

- Это странное совпадение, я признаю.

- Ты веришь в совпадения?

- Когда это единственное правдоподобное объяснение, - сказал Шерлок.

- Ну хорошо. А какое объяснение тогда неправдоподобное?

- Реинкарнация, - Шерлок повернулся к нему и улыбнулся.

- Это смешно.

- Вот именно.

Облокотившись на стол, Джон наблюдал, как Шерлок возится с пробирками.

- Ты прочитал его до конца? В смысле, дневник.

- Конечно. Хотя он и не произвел на меня такого же впечатления, как на тебя.

- Ну да, меня возбуждает чтение о сексе. Это называется "быть мужиком".

- Неужели? - Шерлок изогнул бровь.

- Да.

- Тогда, получается, я не мужик.

- С тобой невозможно разговаривать, - покачал головой Джон. - Люди... Просто куча народу мечтает о том, что было у этой пары.

- О регулярном источнике фелляции? - ухмыльнулся Шерлок.

- О любви, Шерлок. Полной, безусловной любви.

- Которой не существует.

- Как ты можешь это утверждать, если доказательство было у тебя в руках?
- Вряд ли можно считать доказательством романтические каракули твоего тезки.
- Он не мой тезка! Если уж на то пошло - это я его тезка!
- Семантика, - Шерлок поднял пробирку до уровня глаз и тихонько встряхнул.

Засвистел чайник, и Джон занялся чаем.

В последующие три дня он смог выделить время, чтобы дочитать дневник. К счастью, фокус повествования сместился от сексуальных открытий Холмса и Ватсона к тому, как их новые отношения изменили их повседневную жизнь.

Описания Ватсона - как Холмс использовал его колени вместо подушки или любил понежничать, скрывшись в двуколке - были еще увлекательнее, чем постельные сцены. Джон то и дело ловил себя на том, что улыбается: пока он занимался делами, его воображение занимали образы Холмса и Ватсона, которые расследуют преступления, а потом с удовольствием предаются плотским утехам.

Если честно, прочитанное в дневнике обнадеживало Джона. Раз уж другой Джон Ватсон смог найти свое счастье в середине жизненного пути, то, возможно, и он тоже сможет.

Джона также интересовало, как вел бы себя Шерлок, если бы когда-нибудь влюбился (при условии, что он признал бы такое вообще возможным). Вот почему по возвращению с работы Джон так удивился, когда обнаружил дневник не в своей комнате, где оставил его утром, а на журнальном столике рядом с ногами Шерлока.

- Нашел кое-что для легкого чтения? - хмыкнул Джон, не в силах сдержаться.

- Я искал перекрестные ссылки некоторых дат на другие дневники.

- В этом дневнике нет дат.

- Конкретных - нет. Но вполне возможно экстраполировать даты, особенно учитывая отчеты о погоде летом и осенью 1894 года.

- Ну естественно, - Джон даже не потрудился скрыть, как его это забавляет. Казалось гораздо более вероятным, что Шерлока, как любого другого человека на его месте, просто увлек дневник Ватсона. Впрочем, Джону хватило деликатности, чтобы держать свое мнение при себе. Кроме того, ему хотелось чая.

Он почти добрался до кухни, когда у Шерлока зазвонил телефон.

- Джон! - окликнул его Шерлок, вскакивая на ноги.

Бросив тоскливый взгляд на чайник, Джон обернулся.

Дожидавшийся их в парке труп принадлежал слишком молодой девушке. С другой стороны, Джон считал, что и наемные солдаты слишком молоды, чтобы погибать.

Как и следовало ожидать, ее возраст ни на йоту не впечатлил Шерлока - тот достал перчатки и немедленно склонился над лежащим в траве телом, чтобы потрогать застывшую кровь на виске.

- Ее зовут Ширли Джексон, - сообщил Лестрейд, - учится на шестом курсе в Мэрилбоне.

- Это очевидно, - Шерлок поднял взгляд. - Джон.

- Ага, - Джон присел на корточки рядом с телом, осмотрел рану на виске, а потом переключился на запястья. - Следы от пальцев, - он указал на синяки.

Шерлок кивнул.

- Ссора. Ее держали за запястья, а она вырывалась. Возможно, несчастный случай.

Не говоря ни слова, Джон аккуратно повернул лицо жертвы к Шерлоку, рассматривая кровоподтек на щеке.

- Или ее оглушили ударом по голове, - достав лупу, Шерлок присел и стал осматривать траву возле тела, а затем пространство вокруг скамейки.

Джон услышал бормотание за спиной и обернулся - Донован и Андерсон наблюдали за Шерлоком. Даже не прислушиваясь, было понятно, о чем они говорят. Джон в очередной раз задался вопросом, как Шерлок вообще терпит это осуждение и глупые прозвища. Впрочем, решил Джон, это дело практики. Чаще всего Шерлок стоически переносил выходки полицейских.

Джон задумался о том, какое влияние это могло оказать на самовосприятие. Как ощущает себя человек, которого чаще всего называют психом? Джон встал, отгораживая Шерлока от полицейских. Не специально, конечно. Просто тут стоять было удобнее.

- Это ее парень, - Шерлок поднялся и указал на траву перед скамейкой. - Скорее всего, ревновал и контролировал. У них здесь было свидание, но что-то его рассердило. Может, он увидел, что она слишком долго с кем-то болтает. Они спорили. Он злился все больше. Потом схватил ее. Она попыталась вырваться. Он отпустил, но это еще не все. Он ударил ее достаточно сильно, чтобы сбить с ног, и она, падая, ударилась головой о скамейку. Обычно это не смертельно, но она ударилась виском об угол. Просто не повезло.

- Просто не повезло, - эхом повторил Джон. - Ей же от силы лет семнадцать!

- Ладно, трагически не повезло.

Джон покачал головой.

- Как ты узнал, что у нее был парень? - спросил Лестрейд.

Шерлок присел на корточки и поднял руку девушки, показывая Лестрейду тонкое колечко с крохотным бриллиантом.

- Дорогая одежда, престижная школа. Кольцо с таким маленьким бриллиантом могло оказаться у нее только в качестве подарка. И она не стала бы его носить, если бы подарок не был сделан близким человеком.

- Это мог быть кто угодно - член семьи или подруга.

- Как я уже сказал, этот камень слишком мал, чтобы быть подарком от семьи. Семья богатая, ей бы подарили что-нибудь поизыщнее. Кроме того, кольцо не подходит по стилю. Подруга подарила бы что-то более подходящее к ее остальным украшениям. - Опустив руку девушки, Шерлок указал на массивный браслет на запястье. - Не семья и не подруга, остается парень.

- Почему обязательно парень? Может, девушка? - спросил Джон.

- Следы, - ответил Шерлок, вставая.

- Ну ладно, - Лестрейд повернулся и отошел, чтобы поговорить со своими людьми.

- Неудачный подростковый роман вряд ли стоит нашего внимания, - обратился Шерлок к Джону, даже не потрудившись понизить голос.

- Уверен, ее родители думают иначе.

- Несомненно.

В такси Шерлок молчал всю дорогу до дома - обычное явление, но сегодня он казался еще более задумчивым, чем всегда. Кроме того, место, которое они только что покинули, не располагало к непринужденной болтовне.

Оказавшись дома, Джон вернулся к приготовлению чая, а Шерлок расположился на диване, водрузив ноги на журнальный столик и сложив ладони под подбородком. Джон уже давно перестал говорить Шерлоку о том, насколько его поза для размышлений напоминает молитвенную.

- Все еще думаешь про этого парня? - Джон протянул Шерлоку чай.

Пальцы Шерлока скользнули по ладони Джона, прежде чем сомкнуться на чашке.

- Некоторым образом. - отозвался Шерлок, отхлебнул чай и подождал, пока Джон усядется на диван, опираясь спиной на подлокотник так, чтобы оказаться к Шерлоку лицом. - Как ты считаешь, какое определение любви точнее - отчет моего деда или сцена, свидетелями которой мы сегодня стали?

- То, что мы видели сегодня - это не любовь, Шерлок, а совсем другое. Это контроль. - Учитывая все, что было известно Джону о семье Шерлока, он не удивлялся, почему его друг не мог увидеть разницу.

- То есть?

- Любовь - это в том числе и способность признать за любимым человеком право решать самому, что для него лучше. А не стремление навязывать свое мнение, будто тебе виднее.

- Это ты про Майкрофта? - Шерлок отставил чашку, повернулся к Джону и подтянул колени к груди, обхватив их руками.

- Да. Но и про сегодняшнего парня тоже. Неизвестно, что его так разозлило. Может, он ее раньше никогда не бил, а может, это у них было обычным делом. Я уже встречал такой вид отношений, когда работал в приемном покое скорой помощи. Жажда власти, контроль и все такое прочее - якобы из-за любви, но слова тут уже не имеют значения.

- А твоя сестра?

- А при чем тут моя сестра? - Джон уже давно пришел к выводу, что у Шерлока странное понятие о человеческих отношениях. Он достаточно хорошо понимал устремления человеческого сердца, чтобы делать выводы о мотивах преступлений. Возможно, он потратил немало сил и времени на изучение этой материи, чтобы начать различать закономерности, но его понимание отношений, которые не заканчивались насильственной смертью, было весьма ограниченным.

- А ты бы заставил ее бросить пить, будь у тебя такая возможность? - в голосе Шерлока зазвучало неподдельное любопытство.

- Некорректный вопрос. Я не могу заставить Гарри бросить пить. Я вообще не могу заставить ее делать хоть что-нибудь.

- Но...

- Нет, Шерлок, - перебил его Джон и покачал головой, - ты не можешь заставлять других людей быть такими, как тебе хочется. Даже если то, кем они являются, их убивает. В жизни так не бывает.

- То есть, ты никогда не пытался никого изменить?

- Я бы так не сказал. Это распространенная ошибка - думать, что можно кого-то спасти. В том числе, и от самого себя. Спроси ту же Клару.

- Но ты только что утверждал, что любовь - это не контроль. - Шерлок, разумеется, попытался найти уязвимое место в аргументации Джона.

- Если ты пытаешься убедить кого-то перестать заниматься саморазрушением - это не контроль. При условии, что ты не хитришь и не манипулируешь. Когда ты говоришь: "Я тебя люблю, но не смогу быть с тобой, пока ты пьешь," - это не контроль. Это обозначение своих потребностей и пределов своих возможностей. А вот обманом отправлять людей против их воли в реабилитационные центры - это уже контроль.

Шерлок кивнул. Судя по его лицу, он то ли начинал понимать, то ли действительно знал, каково это - быть помещенным в реабилитационную клинику против своей воли. Джон не сомневался, что Майкрофт способен и на такое.

- И поэтому ты опасаясь романтических отношений? Не хочешь, чтобы тебя контролировали? - спросил Джон.

- Поэтому. Я уверен, что любой человек, с кем бы я ни начал отношения, захотел бы изменить меня. Сделать меня более... - губы Шерлока изогнулись в улыбке, - ... нормальным.

- Ватсон не пытался сделать твоего деда более нормальным, - отметил Джон, допил чай и наклонился, чтобы поставить чашку на столик. - Разве тебе не хотелось бы иметь то же, что и они - безусловное принятие, уверенность в том, что всегда есть кто-то рядом с тобой?

- Меня никто не принимал безоговорочно, - ответил Шерлок, и Джон вспомнил поведение Донован и Андерсона на месте преступления.

- Неправда.

- Три недели назад ты купил мой любимый карри, когда расследование дела было в самом разгаре, а еще ты заставил меня драить ванну, - продолжал Шерлок.

- Если я покупаю твою любимую еду, когда ты почти сутки не ел - это дружеское участие. И заставлять тебя чистить ванну тоже вполне справедливо, если ты в ней препарируешь всякие внутренности. А вот если бы я пытался тебя изменить, то в первую очередь запретил бы приносить домой эти потроха. И если бы я тебя контролировал, то привязал бы к кровати и кормил внутривенно.

- Но ты об этом подумывал, - Шерлок наградил Джона понимающей улыбкой.

- Подумывал. Но не делал этого. - Уж насколько Джон был непреклонен насчет того, что всякий взрослый должен сам контролировать свою жизнь, но в данном случае он бы собственными руками поставил Шерлоку капельницу.

- И за это я тебе благодарен, - Шерлок взял чашку и сделал большой глоток. - Что касается моего деда и его Ватсона - думаешь, Ватсон оценивал их отношения

объективно?

Джон подумал, не переадресовать ли этот вопрос самому Шерлоку - в конце концов, из них двоих именно он был детективом. Но Шерлок не стал бы задавать вопрос, если бы знал ответ. В этот раз экспертом был Джон. По крайней мере, в глазах Шерлока.

- И да, и нет.

- Объясни.

- По-моему, они и правда были друг другу очень дороги, но сомневаюсь, что все было так просто, как описывает Ватсон. Во-первых, их связь могли обнаружить, и это погубило бы и того и другого. А необходимость постоянно скрываться обязательно наложит отпечаток на отношения. Во-вторых, Ватсон, конечно, кажется уступчивым, но они оба были упрямыми. Наверняка они ссорились время от времени.

- Значит, Ватсон чего-то не договаривает.

- Нет, - покачал головой Джон. - Человек, которого он любил, только что умер, и он утешал себя тем, что описывал самое начало их отношений. Вполне естественно, что он сосредоточился на счастливых воспоминаниях.

- На днях, когда у них было много секса, - пробормотал Шерлок.

- Так чаще всего и бывает, - засмеялся Джон.

- Тогда зачем включать в повествование их неудачи? - Шерлок нахмурился.

- Какие неудачи?

- Когда они пытались заняться анальным сексом.

Только Шерлок мог увидеть в том эпизоде неудачу. Сам Джон смеялся вместе с действующими лицами, читая, как Холмс перемазался маслом, которое они с Ватсоном пытались использовать в качестве лубриканта, и как они хохотали во время попыток проникновения. Даже сейчас, вспомнив об этом, Джон улыбнулся.

- Это не неудача, Шерлок.

- Они пытались заняться сексом, но в результате вместо эякуляции только смеялись, к тому же еще перемазались в масле.

- Им было весело вместе.

- Но секса у них так и не получилось, - заметил Шерлок.

- Да, но им все равно было хорошо вместе. В конце концов, секс - это всего лишь еще один способ быть рядом с человеком, который тебе дорог.

- Тогда почему люди настолько повернуты на сексе, если можно просто посмеяться вместе? - Шерлок, надо отдать ему должное, был настойчив.

- Поэтому что это приятно.

- Смеяться тоже приятно. - У Шерлока было настолько серьезное выражение лица, что Джону пришлось на мгновение прикрыть глаза, чтобы не расхохотаться. По крайней мере, уж лучше пусть Шерлок задает вопросы, чем фыркает и обдает презрением.

- Это да, но в сексе бывают еще и оргазмы, и другие виды удовольствия - смех, нежность или страсть, - продолжал Джон. - Заранее никогда не понятно, что получится, все происходит интуитивно, спонтанно. Зато в этот момент люди создают свою собственную, совместную реальность.

- Сейчас мы тоже создаем свою совместную реальность.

- Правильно, но в сексе ощущения более интенсивные.

- Это действительно настолько уникальный опыт? - спросил Шерлок.

- С близким человеком, которому доверяешь - ни с чем не сравнимый.

- Доверие - это так важно?

- Вспомни своего деда. Как ты считаешь, он бы смог разделить свою жизнь с кем-то, кому не доверял?

- Нет, - Шерлок положил подбородок на колено. - Должен тебе сказать, все, что я читал о сексе раньше, никак не соответствует твоему описанию.

- Если ты читал о сексе на порно-сайтах, то ничего удивительного. - Заметив, что Шерлок озадаченно нахмурился, Джон добавил: - Эти сайты предназначены для того, чтобы вызывать возбуждение. Там показывают скорее воплощение фантазий, а не то, что происходит на самом деле.

- А зачем фантазировать о невозможном?

- Потому что оно невозможно.

- Это не имеет смысла.

- Таковы уж люди, - Джон хлопнул Шерлока по ноге. - Думаю, у тебя на сегодня достаточно пищи для размышлений. Я пошел спать.

Дойдя до лестницы, Джон притормозил.

- Кстати, раз уж у тебя сейчас нет никаких дел, тебе не помешает в кои-то веки лечь

спать в человеческое время, - и прежде чем Шерлок смог ответить, Джон добавил: - И это не контроль. Это я говорю как врач своему другу, который думает, будто здоровье не требует внимания и усилий, а просто полагается ему просто потому, что он весь такой Шерлок Холмс.

- Спокойной ночи, Джон.

- И тебе, Шерлок.

Когда на следующий день Джон вернулся из клиники, Шерлок сидел на полу около журнального столика. Рядом стоял открытый сундук, а на столике лежали стопки дневников и ноутбук.

Джон хотел было спросить, чем Шерлок занимается, но решил сначала выпить чаю. Он сидел за столом, прихлебывал чай и читал "Гардиан", когда Шерлок произнес:

- Я хочу чаю.

- Чайник вон там, - ответил Джон, не отрываясь от газеты.

- Пожалуйста.

- Чайник по-прежнему вон там, - Джон кивнул в сторону кухни.

- Я сказал "пожалуйста".

- Это не всегда срабатывает.

- Тогда какой смысл говорить "пожалуйста"? - Шерлок поднялся с пола.

- Потому что иногда это все-таки срабатывает.

Не удостоив Джона ответом, Шерлок подошел к столу и налил себе чаю, добавив в чашку меда и немного молока. Затем, вопреки ожиданиям Джона, поставил чашку на стол, а сам уселся напротив.

- Я сопоставил количество дел, которые мой двоюродный дед раскрыл до того, как вступил в сексуальные отношения с Ватсоном, и количество дел, которое он раскрыл после.

- И?... - Джон даже не удивился.

- Он работал более эффективно после того, как они вступили в связь, чем прежде. Это, возможно, только результат приобретенного со временем опыта и знаний. Впрочем, Ватсон мог просто не писать про неудачные дела моего деда после 1894 года.

- Маловероятно, - заметил Джон.

- Почему? - нахмурился Шерлок. - Я думал, он станет скрывать неудачи своего любовника, в частности, еще и потому, что они могли бы плохо отразиться на их отношениях.

- Ну, во-первых, он не ожидал, что в будущем еще один Шерлок Холмс возьмется читать его дневники и выяснять, не мешают ли романтические отношения дедуктивным способностям, - при этих словах Шерлок поджал губы, но спорить не стал. Джон продолжил: - Я тебя уверяю, как бы тот Ватсон ни любил твоего дедушку, он спокойно написал бы про его неудачи. Судя по всему, у вас с дедом это семейное - снобизм и привычка командовать.

- По-твоему, несмотря на их отношения, неудачи Холмса вызывали бы у Ватсона некоторое злорадство?

- Ну да. Маленькие неудачи.

- Лучше бы мой дед оставил собственные записи, - заметил Шерлок. Джон расценил эту смену темы, как свою победу в споре. - Мне бы очень хотелось узнать, что заставило его изменить взгляд на секс и интимные отношения. То, что взрослый мужчина может измениться, прочитав порнографический роман, представляется мне откровенным абсурдом.

- Он говорил, что мужчины в романе были друзьями, - напомнил ему Джон и отхлебнул чаю. Его газета давным-давно была отложена.

- Да... - Шерлок помотал головой. - Но вряд ли это в полной мере объясняет подобную перемену.

- Он был одинок. Рядом с ним не было того единственного человека, от которого он зависел, и который был ему дорог. У него не было дел, чтобы его отвлечь, не было Лондона, где всегда можно найти занятие. И только тогда он смог - или даже был вынужден - разобраться, наконец, в собственных чувствах и задаться вопросом, почему ему так сильно не хватает Ватсона. Книга, наверное, оказалась уже последней каплей.

- Возможно.

- Наверняка герои книги напомнили ему их с Ватсоном, - Джон поднес кружку к губам.

- Я изучал материалы о сексуальном желании. О том, является ли гомосексуальность врожденной. - Шерлок сузил глаза. Джон расправил плечи. Он знал, что означает этот взгляд.

- За все время нашего знакомства ты не проявлял сексуального интереса к мужчинам, за исключением того единственного случая на следующий день после нашей первой встречи, - продолжал Шерлок. - Тем не менее, тебя возбуждают рассказы Ватсона о его подвигах с моим дедом.

- Вряд ли это можно назвать подвигами, - сказал Джон.

- Думаешь, твоя ориентация изменилась?

- Шерлок!

- Кроме твоей реакции на содержимое дневника, я не замечал больше никаких признаков того, что тебя привлекают мужчины. Тебя возбуждает идея близости двух мужчин - или что-то еще?

- С тобой просто невозможно, - Джон закрыл глаза и покачал головой.

- Просто ответь на вопрос, - сказал Шерлок и через некоторое время добавил, - пожалуйста.

- Я правда не знаю. Я об этом не думал. Да, рассказы в дневнике меня возбуждают. Нет, меня никогда особо не влекло к мужчинам, но если бы я мог иметь такие же отношения, как у них... Ну, я был бы готов рассмотреть такую возможность.

- Если это будет тот, о ком ты заботишься и кому доверяешь, - уточнил Шерлок.

- Да.

- Тот, с кем тебе захочется быть рядом.

- Да.

- Тот, с кем тебе весело.

- И это тоже.

Шерлок взял чашку и допил свой чай.

- Спасибо, Джон. Этот разговор был очень поучительным.

- На здоровье.

Поставив пустую чашку на стол, Шерлок встал с кресла и вернулся на свое место возле журнального столика.

Джон снова взялся за газету.

Джон довольно мурлыкал себе под нос, поднимаясь по ступенькам 221 В после обеда с сестрой: Гарри бросила пить. Они поговорили - хотя говорил в основном Джон - о расследованиях, которые не попали в блог. Гарри смеялась и слегка его поддразнивала. Джон даже не мог вспомнить, когда им в последний раз было так весело друг с другом.

Открыв дверь в квартиру, он сразу увидел Шерлока. Тот валялся на диване, но был хотя бы по-человечески одет.

- Твоя сестра бросила пить, - Шерлок взглянул на Джона, сложив ладони под подбородком. Джон решил, что кто-нибудь должен изваять скульптуру Шерлока в такой позе.

- Бросила, да.

- Хорошо, - Шерлок рывком принял сидячее положение, а потом одним движением поднялся на ноги. - Я кое о чем хотел тебя попросить, и раз уж ты вернулся в хорошем настроении - больше шансов на то, что ты согласишься.

Джон покачал головой, но удивился не особо. Разумеется, Гарри волновала Шерлока лишь потому, что ее поведение влияло на настроение Джона.

Шерлок протянул руку.

- Давай куртку, я повешу.

Джон стянул куртку, отдал ее Шерлоку и стал наблюдать, как тот вешает ее на крючок на двери.

- Ну, - Шерлок, прищурившись, посмотрел на Джона, - теперь тебе удобно?

- Для человека, стоящего посреди гостиной, мне вполне удобно, - Джон понятия не имел, о чем Шерлок хотел его просить, но начало было весьма интересным.

- Хорошо. Очень хорошо, - Шерлок подошел вплотную к Джону и остановился. - Я бы хотел тебя поцеловать. - И почти сразу же добавил: - Вижу, ты удивлен.

Джон все еще пытался переварить услышанное, а Шерлок продолжал:

- Я никогда раньше не целовал человека, которому бы доверял, который был бы мне безразличен и чье общество мне бы нравилось. Мне хотелось бы выяснить, меняются ли ощущения, если тебе нравится тот, кого ты целуешь.

- Ты что, никогда раньше не целовался? - Джон пытался найти в словах Шерлока хоть что-нибудь, доступное пониманию.

- Я этого не говорил. Я целовался, но только в интересах расследования.

Расследования. Ну конечно, Шерлок целовался только в интересах расследования. Для чего же еще.

- Основываясь на наших беседах и доказательствах, полученных из дневника Ватсона, я подозреваю, что при поцелуях с кем-то, кого я искренне люблю, у меня будут совсем другие ощущения.

Шерлок подался вперед, Джон сделал шаг назад, наткнулся на диван и рухнул на него. Шерлок хотел что-то сказать, но Джон поднял руку:

- Подожди минуточку.

Шерлок закрыл рот и кивнул.

- Спасибо, - поблагодарил Джон. Он выиграл минуту на размышления, но навести в мыслях хотя бы подобие порядка не получалось. Во-первых, было грустно, что Шерлок в свои тридцать с небольшим ни разу не целовался с тем, кто ему нравится. Во-вторых, в голову лезли мысли о форме губ Шерлока и о том, что их будто специально создали для поцелуев. И наконец, в-третьих - в его голове, заглушая все остальное, крутились на бесконечном повторе слова: "Шерлок хочет меня поцеловать".

- Джон. - Шерлок сел рядом, положил руки Джону на плечи и развернул его к себе.

- Ну хорошо, - Джон поднял взгляд на Шерлока.

- Значит, я могу... - сказал Шерлок, и Джон кивнул. - Хорошо, очень хорошо. Прямо совсем хорошо. Спасибо. За то, что согласился.

- Всегда пожалуйста, - ответил Джон.

- Тогда... я просто... - Шерлок слегка подался вперед, будто обозначая этим движением, что он собирается делать.

- Да.

Уверенный кивок.

Шерлок наклонился и прижался губами к губам Джона. Это было скорее столкновение, а не поцелуй, и Джона это странным образом разочаровало. Шерлок нахмурился.

Джон прикоснулся к щеке Шерлока и притянул его обратно. Он осторожно прикоснулся губами к губам Шерлока, желая выяснить, настолько ли они мягкие на ощупь, как и на вид. Нет. Губы Шерлока оказались твердыми, но в этом была своя сладость, и, как только прервался их первый поцелуй, Джон сразу же поцеловал Шерлока еще раз.

Шерлок, как и следовало ожидать, быстро освоился. Они сидели на краешке дивана и обменивались простыми, легкими поцелуями.

Шерлок отпустил плечо Джона, скользнул рукой по его спине и притянул к себе. Одной рукой Джон покрепче обнял Шерлока за талию, а другой гладил по щеке.

В поцелуях Шерлока была такая невинность, что Джон снова почувствовал себя подростком, который не знает, куда девать руки или что делать с языком. Шерлок, впрочем, продолжал его целовать - отстранялся на долю секунды, а затем снова

целовал, слегка изменив положение губ.

В какой-то момент Джон прихватил губами нижнюю губу Шерлока и мягко сжал ее. Шерлок повторил это движение.

Они все продолжали и продолжали, и как раз тогда, когда Джон убедился, что эти поцелуи ни на мгновение больше не могут оставаться невинными, Шерлок отстранился.

Джон, тяжело дыша, посмотрел на него. Глаза у Шерлока были широко распахнуты, рот приоткрыт, волосы немного растрепались. У него был вид человека, которому необходимо, чтобы его опрокинули на диван и целовали до потери сознания.

Шерлок посмотрел вниз.

- У меня эрекция.

- Это из-за поцелуев.

- Да, я про такое слышал.

- Тебя это тревожит? - Джон насторожился, заметив, что Шерлок нахмурился.

- Нет, - ответил тот, подумав.

- Если тебя это успокоит, у меня тоже эрекция.

- Я удивлен, что твоей привязанности ко мне оказалось достаточно, чтобы преодолеть влечение к женщинам.

“Привязанности”. У него жестокий стояк, потому что он поцеловал мужчину, к которому испытывает привязанность. Это объяснение было ничем не хуже любого другого.

- Может быть, я чуть выше на шкале Кинси, чем мне казалось, - сказал Джон, скорее для того, чтобы разговорить Шерлока, а не для того, что ему хотелось обсуждать свою якобы колеблющуюся ориентацию.

- Ничего удивительного.

- Для тебя.

- И для тебя тоже, - возразил Шерлок.

Ну хорошо. Принимая во внимание реакцию на дневник, написанный другим Ватсоном, Джон не был удивлен тем фактом, что его заводят мужчины. Но совсем другое дело, если его заводит Шерлок. Джон потер ладонями бедра.

- Ну...

- Где бы ты хотел поужинать?

- Я только что пообедал.

- Да, конечно, - Шерлок поднялся с дивана. - У меня осталось несколько экспериментов, за которыми надо наблюдать. - Он одернул пиджак. - Может, сходим попозже к Анджело.

- Отлично.

- Ну, тогда я... - Шерлок указал на скопление пробирок на кухонном столе.

- Ага, давай.

Направляясь на кухню, Шерлок прошел мимо, и Джон отвел взгляд. Потому что... ну, потому что определенные вещи находились прямо на уровне его глаз.

Джон опустился на диван, закрыл глаза и глубоко вздохнул.

- Я поцеловал Шерлока, - выпалил Джон, как только остался наедине с Сарой. Он просто должен был хоть кому-нибудь рассказать. Боже, эта история то и дело заставляла его вести себя, словно он подросток. - Точнее, он меня поцеловал. Сначала. То есть, попросил.

Сара едва сдерживала смех. Джон обнаружил, что и сам посмеивается, глядя на выражение ее лица. Он прислонился спиной к запертой двери ординаторской и провел рукой по лицу.

- Ну и как тебе? - спросила Сара. Джон почувствовал, что краснеет. - Я так понимаю, понравилось.

Только Сара могла оценить все безумие того, что между Джоном и Шерлоком может что-то быть.

- И что мне теперь делать?

- Поцелуй его снова.

- Но я предпочитаю женщин.

- У тебя случайно не кризис самоопределения, а, Джон? - любопытствовала Сара, не сводя с Джона своих красивых глаз. После того, как они зашли в ординаторскую, она так и не сдвинулась с места.

- Это, скорее, "кризис Шерлока".

- И тебе нравится, что этот кризис случился.

Джону и правда нравилось. Шерлок бывал неприятным, он раздражал, а порой просто доводил до белого каления, но с ним никогда не было скучно. Командир подразделения в Афганистане однажды сказал, что Джон обладает талантом сохранять спокойствие посреди бури - и оказался прав. Джон умел не терять самообладания, когда все вокруг него шло кувырком. Джон оставался спокоен и в гневе. Ярость вспыхивала внезапно и бывала сокрушительной, но - Джон оставался спокоен. Даже тогда, когда собирался убить.

Он нуждался в хаотичности Шерлока так же, как тот нуждался в его спокойствии. Но это было частью их дружбы, их рабочих отношений, и не имело ничего общего с поцелуями на диване.

- Поцелуи - не кризис.

- Так почему ты делаешь из этого кризис? - Пока Джон размышлял, Сара успела заварить им по чашке чаю.

- Потому что романтические отношения с Шерлоком - дело серьезное, - Джон оттолкнулся от двери, подошел к Саре и взял у нее чашку.

- И что это изменит? - Сара взглянула на него поверх кружки и отхлебнула чая.

- Появится секс.

- И?..

Джон задумался.

- Мы сблизимся. Секс сближает людей.

- Ну да.

Сара выжидающе смотрела на него, но Джон не знал, что еще сказать. Он продолжит жить, где живет, продолжит работать: на полставки - врачом, и круглосуточно - ассистентом и блогером. Продолжит ходить в магазин и мыть посуду. В этом и заключалась проблема: слишком многое в его жизни связано с Шерлоком. Если они продолжат целоваться, если их поцелуи перерастут в нечто большее... Джон понимал, что у него не останется ничего, что было бы не связано с Шерлоком.

- Я не могу позволить ему заполнить всю мою жизнь, - сказал Джон.

- Так не позволяй. Заведи друзей. Проводи с ними время. Я знаю, что за ваши с Шерлоком расследования ты получаешь больше, чем зарабатываешь здесь, но все равно - пусть у тебя будет собственная работа. Люди сплошь и рядом уравнивают романтические отношения другими интересами.

- Если это не отношения с Шерлоком Холмсом.

- Да, он обычно затмевает собой всех и вся, - признала Сара, - но не тебя. Ты - такой островок шерлоко-непроницаемости.

В ответ на предположение о том, что из всего человечества именно он является счастливым обладателем иммунитета против Шерлока, Джон лишь покачал головой.

- Конечно, мы оба прекрасно знаем, что вы с ним не разлей вода. Но это твой собственный выбор. Остальных Шерлок просто притягивает к себе, как магнитом - в том числе тех, кто его не любит - и он даже не замечает, если кто-то этим недоволен. Но стоит тебе его одернуть, и он слушается.

- Спасибо, - сказал Джон.

- Всегда пожалуйста, - Сара потрепала его по плечу.

- Не знаю, что из этого получится. Если вообще может что-то получиться. Шерлок вчера весь вечер об этом размышлял.

- Он решил не торопить события и все тщательно обдумать. Это хороший знак.

Джон решил не упоминать, что не считал Шерлока Холмса человеком, способным не торопить события.

- Не хватало языка, - Шерлок повернулся к вошедшему в квартиру Джону. Он стоял возле камина, и Джон подумал, что Шерлок перед этим либо расхаживал по квартире, либо разговаривал с черепом, либо то и другое одновременно.

Джон решил, что это он по поводу нового расследования.

- Кому не хватало языка?

- Мне. Твоего. Или, наверное, тебе - моего.

- Что, прости?

- Вчера.

- А-а, - протянул Джон. Теперь понятно.

- Ты считаешь, что использовать язык неприятно? Мне раньше казалось, что неприятно, но я не особенно любил людей, с которыми целовался. Остается вероятность, что с тобой этот процесс мне понравится. И почему он вообще называется "французский поцелуй"? Неужели какой-нибудь француз пытался запатентовать поцелуй? Или существует другая причина, такая же абсурдная?

Джон, смеясь, подошел к Шерлоку, положил руку ему на затылок, притянул к себе и поцеловал - без языка.

- Без понятия, откуда такое название. Мне нравится так целоваться, но не с самого начала, а когда поймешь, что к чему. А вчера и так все было хорошо.

- Ну... хм... Да, - Шерлок прищурился. - Судя по твоим действиям, я так понимаю, ты не против дополнительных поцелуев.

- Ты хочешь повторить свои достижения?

- Повторять достижения скучно.

Джон поднял брови.

- Обычно - скучно, - пояснил Шерлок. - Когда эксперимент включает в себя неодушевленные или ставшие неодушевленными предметы. А в этот раз, чтобы избежать скуки, нам, возможно, стоит продвинуться дальше.

Улыбаясь своим мыслям, Джон оставил Шерлока у камина и отправился на кухню включать чайник. Не то чтобы ему хотелось чаю, но он не собирался второй день подряд прямо с порога набрасываться на Шерлока с поцелуями.

- Ты же пил чай на работе, - Шерлок пришел на кухню вслед за Джоном и облокотился на стол.

- А теперь попию дома.

- Напрасный перевод чая.

- Да ну?

- Ну да. Когда ты возьмешь чашку и сядешь на диван, я сяду рядом с тобой и начну целовать. А ты забудешь про свой чай, потому что захочешь убедиться, что целовать меня сегодня так же приятно, как и вчера.

- Я уже знаю ответ.

Шерлок снова прищурился.

- Мне будет очень даже приятно, если, конечно, ты быстро научишься управляться с языком, - улыбнулся Джон.

- Тебе со мной весело. Тебе нравится мое общество. Ты ко мне привязан и ты мне доверяешь. Получив удовольствие от нашего вчерашнего физического контакта, ты пришел к выводу, что секс со мной тебе понравится. Поэтому ты решил позволить мне самому задавать темп, с которым мы будем переходить к подобным отношениям. Тем не

менее, тебе нравится меня дразнить.

- Блестяще, - сказал Джон.

Шерлок поцеловал его. В этом поцелуе еще угадывалась вчерашняя невинность, но она постепенно уступала место желанию. Джон обнял Шерлока за плечи и ответил на поцелуй. Вероятно, помня о словах Джона, Шерлок не предпринимал попыток пойти дальше, но поцелуй все равно получился таким горячим, что член Джона тут же на него отреагировал.

- Твоя взяла, - сказал Джон. Шерлок отстранился, потянулся и выключил чайник.

Мало что доставляло Шерлоку такую радость, как уступки в его пользу. Он улыбнулся, обхватил рукой запястье Джона и потянул того на диван. Шерлок сел, и Джон оседлал его колени. Не то, чтобы ему так уж хотелось оказаться на коленях у другого мужчины, просто было приятно в кои-то веки оказаться выше Шерлока.

Джон погладил Шерлока по шее и подбородку, а затем поцеловал. Он старался держать себя в руках и, не торопясь, дразнил губы Шерлока своими.

Руки Шерлока скользили по спине Джона. Его прикосновения - сильные, крепкие - непостижимым образом возбуждали и умиротворяли одновременно.

Джон хотел, чтобы сегодня все происходило со вчерашней скоростью - по крайней мере, сначала. Но когда Шерлок чуть больше наклонил голову, приоткрыл рот и тихонько застонал, Джон не стал раздумывать.

Шерлок на вкус оказался похож на шоколад и крепкий черный чай. Он, в свою очередь, изучал, дегустировал рот Джона, как если бы имел на это полное право. Краешком сознания, все еще способным мыслить, Джон подумал, что так оно и есть.

Обвив руками талию Джона, Шерлок привлек его ближе, в результате чего член Джона оказался прижатым к его животу. Крепко обнимая Джона, Шерлок тянулся навстречу его поцелуям, и все его мысли были явно о Джоне и только о нем одном. Это лишило Джона остатков самоконтроля, и их поцелуи стали более глубокими и страстными, подливая масло в огонь их общего желания.

Джон прижался к крепкому торсу Шерлока и качнул бедрами, а тот обхватил его крепче. Член Шерлока через брюки уперся в мошонку Джона, который со стоном снова потерялся о Шерлока.

Оторвавшись от губ Джона, Шерлок уткнулся лбом ему в плечо, а пальцами вцепился в бедра.

- Это не скучно.

- Определенно, - засмеялся Джон. Не в силах оторваться от Шерлока, он поцеловал того в шею, чувствуя губами легкую дрожь.

- Как я понимаю, именно так и ощущается вожделение.

- Вроде того, - Джон скользнул губами по красивой длинной шее Шерлока. - Но я бы сказал, что это скорее страсть, чем вожделение.

- А есть разница? - поднял голову Шерлок.

- М-м-м, - прежде чем ответить, Джон быстро поцеловал его. - Я всегда считал, что вожделение касается более общих, поверхностных вещей, вроде внешности. А вот страсть относится к какому-то конкретному человеку.

- Подобно вожделению, но в сопровождении чувств, а не только физической привлекательности.

- Хорошее определение, - сказал Джон. Ему хотелось прекратить, наконец, разговаривать и начать снова целоваться.

Но Шерлок продолжал говорить, даже тогда, когда Джон прижался губами к его губам:

- Тогда я вряд ли когда-нибудь почувствую к тебе вожделение.

- Ну, не совсем, - Джон сдался на время. - Даже если кто-то сводит тебя с ума, ты все равно можешь чувствовать физическое желание - например, если увидишь, как этот человек выходит из душа или просто как-то по-особому наклоняет голову.

- Сколько нюансов.

- Ну что, теперь тебе есть чем занять свой пылливый мозг?

- Возможно, - мягко улыбнулся Шерлок, и у Джона появилось ощущение, что тот ответил ему на какой-то другой вопрос.

- Я могу внести ясность, - Джон наклонился и поцеловал улыбающиеся губы Шерлока. В этот раз он не спеша ласкал их своими собственными - менее невинно, чем вчера, но нежнее, чем все их предыдущие поцелуи в тот день.

Шерлок мгновенно среагировал на изменения, отвечая тем же, а когда поцелуй закончился, прижался губами к шее Джона.

- Столько всего, - прошептал он, положив руки Джону на бедра. - Столько всего надо попробовать, почувствовать, узнать.

Джон чувствовал то же самое. Он зарылся пальцами в волосы Шерлока - пышные и мягкие - думая о том, часто ли Шерлок станет ему позволять их трогать.

- Я знаю, мы это еще не обсуждали, но мне бы хотелось, чтобы ты снял рубашку, - Шерлок, к сожалению Джона, оторвался от его шеи.

Приподнявшись (и напомнив себе, что он вовсе не сидит у Шерлока на коленях), Джон сбросил кофту на пол и расстегнул несколько пуговиц на рубашке, чтобы стянуть ее через голову.

- О... - руки Шерлока оказались на его коже еще до того, как рубашка успела упасть на пол. Вопреки ожиданиям Джона, Шерлок не стал рассматривать шрам на его плече, а просто погладил пальцами по груди. - Ты в хорошей форме.

- Служба в армии имеет свои преимущества.

- Ты уже давно не в армии.

- Наша с тобой беготня тоже имеет свои преимущества.

Шерлок продолжал исследовать грудь Джона.

- Может, мне запатентовать такой фитнес-курс... Смогу использовать тебя в качестве лица компании. Тебе, конечно, придется ходить без рубашки.

- Ну разумеется, куча народу мечтает привести себя в хорошую физическую форму, бегая то за бандитами, то от бандитов, - подхватил Джон.

Вместо ответа Шерлок дотронулся до соска Джона. Он завороченно водил пальцем вверх, вниз и по кругу. Джону нравилось наблюдать за его исследованиями. Затем рука Шерлока заскользила ниже, и Джон инстинктивно втянул живот, но это было излишним. Шерлок сказал правду: он действительно в хорошей форме.

- Я и раньше видел тебя с обнаженным торсом, - сказал Шерлок. - Но не испытывал таких чувств, как сейчас.

- Я тогда был в крови и синяках.

- М-м, - рассеянно согласился Шерлок и погладил Джона по плечам. - Тебе нравится, когда я к тебе прикасаюсь?

- Очень.

Шерлок поднял взгляд на Джона.

- А ты хочешь прикоснуться ко мне?

- Да! - Джон погладил Шерлока по щеке, обводя большим пальцем контур этой его чудной скулы. - Господи, конечно, хочу.

Губы Шерлока растянулись в довольной улыбке.

- Тогда тебе придется с меня слезть, - но вместо того, чтобы позволить Джону подняться,

Шерлок снова его поцеловал, глядя обнаженную спину. - Тебе нравится, когда тебя гладят по спине.

- И это хорошо. Потому что тебе, похоже, нравится гладить мою спину, - Джон посторонился, давая Шерлоку возможность встать. Он поставил одну ногу на пол, а коленом другой уперся в диван, чтобы брюки не давили на его ноющий пах и при этом было бы удобнее наблюдать за Шерлоком.

Тот стянул с себя пиджак, будто одно существование этого предмета одежды вызывало раздражение, оставил его лежать позади себя на полу и принялся расстегивать пуговицы на рубашке. Джон разрывался между желанием смотреть и желанием помочь. Впрочем, Шерлок управлялся с пуговицами настолько быстро, что в помощи не было особого смысла.

Рубашка разделила участь пиджака, и Джон глубоко вздохнул, когда Шерлок устроился напротив, встав обоими коленями на диван и держась рукой за его спинку.

- Прикоснись ко мне, Джон.

Вне всяких сомнений, это были самые эротичные слова, которые Джону когда-либо говорили. Он положил руки Шерлоку на талию и погладил его.

В своих облегающих черных костюмах Шерлок казался худощавым, иногда даже чрезмерно. После того, как Джон впервые увидел Шерлока без рубашки, он решил, что костюмы - это своего рода обманный маневр, призванный вводить в заблуждение относительно физической силы Шерлока. Без костюма тот по-прежнему выглядел худым, но становилось заметно, что его руки и торс словно сплетены из тугих мышц.

Подавшись вперед, Джон поцеловал впадинку на животе Шерлока. Тот запустил руку в волосы Джона, и Джон поднял на него взгляд. Шерлок наклонился и поцеловал его.

- Ложись уже, жирафище, дай до тебя добраться, - засмеялся Джон.

Ухмыляясь, Шерлок растянулся на диване, и Джон устроился сверху. Он гладил Шерлока по груди, любуясь его крепкими мышцами и гладкой кожей. Казалось, Джон должен был чувствовать себя странно, но - нет. Перед ним просто был Шерлок, который позволял ему рассматривать и трогать свое тело.

Шерлок наблюдал, как пальцы Джона играют с его соском. Он прерывисто вздохнул, и Джон, наклонив голову, захватил сосок губами и стал дразнить его языком. Шерлок выгнул спину и запустил руку в волосы Джона, удерживая его голову. Джон усилил давление, и Шерлок ахнул.

- Тебе это нравится, - прошептал Джон, щекоча кожу Шерлока своим дыханием. Не дожидаясь ответа, он переключился на второй сосок.

- Да, - еле выдохнул Шерлок.

Соски у Шерлока были меньше тех, которые привык видеть Джон, но каким-то странным образом это делало их еще привлекательнее. Возможно, потому, что даже с закрытыми глазами можно было безошибочно определить, что они принадлежат Шерлоку.

Шерлок рывком потянул Джона к себе, тот поднял голову, с удовольствием подчиняясь, а Шерлок все тянул его, пока их губы не соприкоснулись вновь.

Прильнув к Шерлоку всем телом, Джон целовал его, и ощущения соприкосновения их обнаженных торсов и сводящей с ума близости их членов оказалось достаточно, чтобы Джон застонал и вжался в Шерлока бедрами.

К удовольствию Джона, Шерлок снова принялся гладить его по спине.

Их поцелуи становились все глубже и горячее, их тела двигались в такт, прижимаясь друг к другу, чтобы стать еще ближе. Одной ногой Шерлок обхватил бедра Джона.

- Это та самая совместная реальность, которую мы создаем?

- Да, - ответил Джон и присосался к шее у Шерлока под ухом.

Шерлок дернул бедрами.

Джон повторил свой маневр.

- Джон.

Джон спустился чуть ниже.

- Джон!

- Что, слишком сильно? - Джон отстранился.

- Наоборот, - Шерлок погладил его плечи. - Станет проще, если у нас будет больше места и меньше одежды.

- Хорошая идея, - в поисках других чувствительных мест для исследований и поцелуев, Джон уткнулся носом в изгиб шеи Шерлока.

- Нам надо перебраться ко мне в кровать, - Шерлок откинул голову, чтобы Джону было удобнее.

- Сразу после того, как я покончу вот с этим, - ответил Джон и сосредоточился на том месте, где шея переходит в плечо.

Шерлок засмеялся и обвил Джона руками.

- Ты смеешься, - Джон с улыбкой поднял голову и посмотрел на Шерлока.

- Похоже на то, - ответил Шерлок и поцеловал его.

Для того, чтобы, наконец, раздеться, им надо было перестать целоваться - по крайней мере, хотя бы на несколько минут. Но губы Шерлока так манили, что оторваться от них оказалось для Джона непосильной задачей. Вместо этого он снова задвигал бедрами так, чтобы при этом его член терся о член Шерлока. Шерлок лежал под ним - отвердевший, изнемогающий от желания, здесь, рядом. И сейчас он страстно и глубоко целовал Джона - отчаянный, утративший контроль над собой... Такой, каким Шерлок, вероятно, еще никогда прежде не был.

Джон застонал.

- Стоп, - Шерлок придержал Джона за плечи, отстраняя от себя.

- Что-то не так?

- Я не хочу быть в брюках, когда испытаю свой первый оргазм с тобой.

Джон на мгновение прикрыл глаза: идея была не лишена привлекательности.

- Точно, - он заставил себя подняться на ноги. - Нам надо... - он указал в сторону комнаты Шерлока.

- Да, абсолютно, - согласился Шерлок, не делая ни единого движения, чтобы встать.

Джон взял Шерлока за руку и потянул. Затем, наклонившись, поцеловал его в плечо и повел в спальню.

Шерлок закрыл дверь. Вид он имел беззащитный. Впрочем, Шерлок и раньше был так же беззащитен, как все другие люди, просто лучше других умел это скрывать.

Джон шагнул вперед, положил ладонь Шерлоку на грудь и почувствовал, как сильно бьется его сердце.

- Ты не похож ни на кого, - произнес Шерлок тихо, почти мягко, и в его устах эти слова прозвучали, как сонет Шекспира.

- Ты тоже, - это была не только констатация факта, но и признание. Джон знал, что Шерлок услышит и то, и другое.

- Очевидно, - тон у Шерлока стал почти дразнящим.

Руки Джона скользнули по груди Шерлока, опускаясь к поясу на брюках. Провозившись некоторое время с застёжкой, Джон к своему удивлению обнаружил, что трусы у Шерлока из простого белого хлопка, и вопросительно вскинул бровь.

- Иногда классика лучше всего, - ответил Шерлок.

Джон поцеловал его, потому что Шерлок был прав.

Шерлок в это время обнял Джона за талию и стал прокладывать дорожку из поцелуев вдоль от шеи к плечу.

- На нас все еще слишком много одежды, - прошептал Джон.

- Я знаю. Просто...

- Просто ты хочешь продлить это ощущение, - подсказал Джон.

- Это глупо, я знаю.

- Не глупо. Я тоже хочу его продлить. Но еще я хочу увидеть, как ты кончаешь, - при этих словах Джона Шерлок прижался к нему крепче, обвив руками. - Я хочу прикасаться к тебе, - признался Джон. - Хочу держать тебя в своих объятиях, ощущать, как ты дрожишь и стонешь, и знать, что именно я заставил тебя это почувствовать и захотеть.

- Страсть, - Шерлок лбом уткнулся Джону в шею.

- Да.

- Я тоже хочу, - Шерлок стиснул ладонями ягодицы Джона. - Хочу смотреть на тебя, ощущать тебя, прикасаться к тебе, пробовать на вкус.

- Сними брюки, - Джон скользил руками по гладкой коже на спине и талии Шерлока. - Пожалуйста.

Шерлок высвободился из объятий Джона, одним движением спустил брюки с бедер, а затем снял носки.

И вот он стоит напротив - Шерлок Холмс, обнаженный и возбужденный. Глядя на него, Джон чувствовал, как разгорается его собственное возбуждение. Приоткрыв рот, он глубоко вздохнул и скользнул взглядом вниз по груди Шерлока, а потом по его члену, который оказался длиннее и толще, чем Джон предполагал, принимая во внимание телосложение Шерлока. В порыве желая прикоснуться к нему рука у Джона дрогнула.

- Джон, - позвал Шерлок.

Джон поднял взгляд. Шерлок смотрел на него одновременно застенчиво и иронично.

- Твоя очередь, - Шерлок кивком указал на промежность Джона.

Джон непозволительно долго расстегивал ширинку - руки почему-то вдруг перестали его слушаться. Когда Джону, наконец, удалось снять брюки, его член благодарно рванулся вперед, требуя внимания. И Шерлок, вероятно, был только рад предоставить это внимание - через трусы он прижал ладонь к члену Джона. Джон ахнул.

- Это невероятно возбуждающе, - сказал Шерлок.

- Что именно? - еле выговорил Джон, с трудом игнорируя ощущения в члене.

- Всё это. Раздевайся быстрее.

- Мне будет проще раздеваться, если ты временно уберешь руку.

Бегло проведя пальцами по головке члена, Шерлок послушался. Впрочем, было очевидно, что руку он убрал совсем ненадолго, и времени у Джона немного.

Сидя на краю кровати, он снял обувь и носки, а затем снова встал, чтобы спустить брюки и трусы на пол. Как только он избавился от одежды, Шерлок потянулся к нему и одной рукой обхватил его член, а другой сжал плечо.

Джон мог только стонать. Шерлок трогал его. Шерлок был без одежды. Джон тоже был без одежды, и Шерлок его трогал - как тут не застонать? Джону, черт побери, тоже хотелось трогать Шерлока, но тот уже снова целовал его, подталкивая к кровати, пока Джон на нее не наткнулся.

Джон оторвался от губ Шерлока, чтобы вытянуться на середине кровати. Шерлок последовал за ним, устроившись сверху, лаская и целуя.

- Я бы спросил, что тебе нравится, но хочу выяснить это сам, - сказал Шерлок.

- Хорошо, - Джон привлек его к себе и снова поцеловал. Он трогал руками каждый дюйм тела Шерлока, до которого мог дотянуться - от дьявольски мягких волос до ягодич, округлости которых, казалось, были специально созданы для ладоней Джона.

Шерлок продолжал ласкать его член, то и дело изменяя ритм и давление, периодически останавливаясь, чтобы погладить головку - слишком много разнообразия для того, чтобы Джон мог кончить. Впрочем, тот не возражал: ему было фантастически хорошо.

Наконец, Шерлок определился с ритмом, и теперь его рука равномерно двигалась вдоль члена Джона, фокусируясь на головке. Одновременно Шерлок начал покачивать бедрами так, чтобы его собственный член терся о бедро Джона.

Другой мужчина терся членом о Джона, и Джону это нравилось. Нравилось кожей ощущать эрекцию Шерлока. Нравилось быстрые, отчаянные вздохи, которые издавал Шерлок. Нравилось, как Шерлок, казалось, не мог решить, куда ему больше хочется смотреть - на лицо Джона или на его член.

Этот полностью раскрепощенный, совершенно незнакомый Шерлок оказался одной из самых эротичных вещей, которые Джон когда-либо видел.

Он зарылся пальцами в волосы Шерлока и повернул к себе его голову для поцелуя. Этот нежный поцелуй шел вразрез со всем происходящим безумием.

- У тебя такие руки... - прошептал Джон. - Невероятные, удивительные...

- Джон.

Джон перекатил Шерлока на спину, оседлал его бедра так, чтобы их члены соприкасались, и стал двигаться.

Шерлок обнял Джона за плечи, притянул к себе и страстно целовал, подаваясь бедрами навстречу бедрам Джона.

Немного смазки им бы не помешало, но Джон не собирался останавливаться - не сейчас, когда Шерлок был так близок к кульминации: тот негромко стонал, откинув голову назад и закрыв глаза. Джон страстно целовал его в шею, неустанно двигаясь, скользя по члену Шерлока, казалось, всем своим телом.

Открыв глаза, Шерлок впился в Джона взглядом, и в тот же самый момент Джон почувствовал, как запульсировал член Шерлока. Теплая жидкость брызнула ему на кожу, растекаясь по груди и животу, оставляя полосу на члене Джона, который продолжал двигаться.

Шерлок вздрогнул всем телом.

- Боже, Шерлок, - Джон был не в силах отвести взгляд от лежащего под ним мужчины, от выражения открытого, безудержного удовольствия на лице Шерлока.

- Джон, - прошептал Шерлок, глядя его по щеке. - Джон.

От этого прикосновения все вокруг Джона на мгновение остановилось, полностью замерло, а стремительно растущее наслаждение жаркой волной прокатилось по его телу. Джон вцепился в Шерлока, изливаясь в пространство между их телами.

Тяжело дыша, Джон рухнул на Шерлока.

Шерлок продолжал крепко его обнимать.

- Я и понятия не имел, - пробормотал Шерлок как раз в тот момент, когда Джон снова вернулся к реальности.

- Справедливости ради, наш первый раз получился исключительно хорошим, - Джон оторвал голову от плеча Шерлока и поцеловал того в щеку.

- Этого следовало ожидать, если учесть, что мы оба исключительные личности, - Шерлок погладил Джона по спине. Теперь его прикосновения не возбуждали, а успокаивали.

Джон засмеялся - скорее от счастья, чем от того, что Шерлок сказал что-то смешное.

Подняв голову, он улыбнулся Шерлоку, а тот тихонько улыбнулся ему в ответ. Шерлок всегда был неотразим, даже когда язвил, но в тот момент он просто сиял.

Джон поцеловал его, легко и неторопливо, а потом улегся на бок и снова устроил голову на плече у Шерлока.

- Это называется умиротворение, - сказал Шерлок. - Когда нейрого르몬ы пролактин и окситоцин создают чувство расслабления и блаженства.

- Но только при благоприятных обстоятельствах, - заметил Джон. - Оргазма, как такового, недостаточно.

- Недостаточно?

- Если бы ты кончил, но в целом все было не слишком хорошо, ты бы не чувствовал себя так, как мы сейчас.

- Интересно.

- Ты же не собираешься идти набираться негативных сексуальных переживаний, чтобы это проверить?

- Нет. Я уверен, что когда-нибудь у нас будет и плохой секс, - немного помолчав, ответил Шерлок.

- Приятно знать, что ты во мне не сомневаешься, - Джон уткнулся лицом в грудь Шерлока - просто потому, что теперь у него была такая возможность.

- Дело не в сомнениях, - Шерлок погладил Джона по затылку, - это вопрос статистики и вероятности. Если, конечно, предположить, что ты и дальше захочешь заниматься со мной сексом.

- Я думаю, ты можешь спокойно это предположить.

- Очень хорошо.

- Да, - ответил Джон, просто потому, чтобы что-то сказать, а не потому, что требовалось его согласие.

Шерлок замолчал. Джон не возражал - ему было достаточно отдыхать рядом с Шерлоком, чувствуя, как с каждым вздохом поднимается и опускается его грудь. Все-таки Шерлок неправ: дышать совсем не скучно.

Джон закрыл глаза и позволил себе задремать.

Услышав стук в дверь, он открыл глаза.

- Кто-то стучал?

- Лестрейд, - Шерлок крепче обнял Джона. - Он прислал мне смс.

- Новое расследование?

- Там, скорее всего, смерть от естественных причин. Я сказал, что занят.

Стук стал громче. Кто-то позвал Шерлока по имени.

- Пойду его выпровожу, - Шерлок вздохнул, быстро поцеловал Джона, выскользнул из кровати и накинул свой синий халат.

- Повезливей там, - сказал Джон Шерлоку вслед.

Шерлок улыбнулся и закрыл за собой дверь.

Джон сложил руки на животе, уставился в потолок и стал прислушиваться к голосам в гостиной. Слов было не разобрать, но тон у Шерлока был высокомерным. Впрочем, каким еще он мог быть?

К разговору присоединился третий голос - сержанта Донован. Джон со вздохом сел и принялся искать на полу штаны. Найдя их, он нехотя встал с кровати, натянул брюки и открыл дверь.

- А чего это ты голый в полпятого дня? - Донован не упустила случая констатировать очевидное, когда в гостиной появился Джон и на него обратились взгляды всех присутствующих.

- Да, сержант, Джон в отличной форме. Да, засохшая сперма на его животе - моя. Теперь понятно, почему я говорил, что мне сегодня есть чем заняться? - Шерлок повернулся к Лестрейду.

Залившись краской, Джон сжал губы в попытке обуздать гнев. Донован отшатнулась, и это движение было достаточно заметным, чтобы Джон обратил на него внимание. Кажется, Донован шокирует сама мысль о том, что кто-то может захотеть Шерлока. И Джон тут же перестал на него злиться.

- Ясно, - откашлялся Лестрейд.

Джон расправил плечи и посмотрел на Шерлока.

- Ну что, я пойду яичницу пожарю? - как можно нежнее спросил он.

- Не откажусь. Как ни странно, в силу некоторых причин я голоден.

Джон закатил глаза и направился на кухню.

- Да, так насчет того тела... - начал Лестрейд.

- Скорее всего, смерть от естественных причин. Скучно.

- Может, и от естественных. Он работал в оборонной компании.

- Какой именно?

- MBDA.

Это название было знакомо Джону по делу Брюса Партингтона. Он достал яйца из холодильника, оставил их на кухонном столе, а сам вернулся к двери и стал смотреть на Шерлока.

- Он бегал трусцой, Джон. Это по-прежнему наиболее вероятная естественная причина.

- Ему было 28, - заметил Лейстред.

- Может, заболевание сердца, - предположил Джон. - Ранее невыявленное. Или аневризма.

- Скорее всего, - согласился Шерлок.

- Тело в Бартсе, - сообщил Лестрейд.

- Тебе надо поесть, - обратился Шерлок к Джону. - Мне отсюда слышно, как у тебя урчит в животе.

- Можно по пути заскочить в Критерион, выпить кофе с пирогом.

- Тебе этого действительно хочется? - спросил Шерлок, делая ударение на последнем слове, чтобы подчеркнуть: ему и правда было важно знать, чего хочется Джону.

- Нет, - признался Джон. Ему хотелось остаться дома, слегка перекусить, а потом снова затащить Шерлока в постель.

- Слышишь, что доктор говорит? - Шерлок повернулся к Лестрейду. - Мы сегодня никуда не пойдем. Если вскрытие покажет, что это убийство, тогда посмотрим.

- Ну хорошо, - Лейстрейд перевел взгляд с Шерлока на Джона. - Поехали, - кивнув в сторону двери, он многозначительно посмотрел на Донован, которая все еще таранилась на Джона с выражением злобного изумления на лице.

- Поверить не могу, что ты с ним трахался, - сказала Донован.

- Придется поверить, - ответил Джон. - Трахался.

Джон медленно просыпался - открывать глаза совершенно не хотелось. Он пребывал в приятной полудреме и не имел ни малейшего желания ее прерывать. В комнате было светло (Джон ощущал это даже с закрытыми глазами), но отсутствие шума с улицы

говорило о том, что до рассвета еще далеко.

- Что там у тебя? - пробормотал Джон.

- Хочешь, я тебе почитаю? - спросил Шерлок. Он сидел, прислонившись к изголовью кровати и вытянув ноги перед собой.

- Давай, - придвинувшись ближе, Джон обнял Шерлока и положил голову ему на колени.

“Холмс медленно двигался внутри меня, будто каждое движение таило в себе особый набор ощущений, который он собирался проанализировать и классифицировать. Однако, на лице его отражалась не глубокая сосредоточенность, а, скорее, сильное чувство - никогда прежде его любовь ко мне не была столь очевидной, чем в этот момент. Казалось, все его существо поражено красотой той реальности, которую мы создавали вместе.

Я же и помыслить не мог о том, что буду любить его когда-нибудь сильнее, чем в тот момент.

Конечно, я ошибался. Моя любовь к нему росла с каждым годом. Впрочем, у нас случались и непростые времена - с Холмсом никогда не бывало легко. В какой-то момент борьба с его пристрастием к кокаину почти разрушила наши отношения. Холмса нельзя было назвать самым чутким на свете партнером, но при этом он мог быть добрым, щедрым, даже любящим - когда удосуживался подумать о возможных последствиях своих действий. Со временем он все чаще принимал во внимание мои чувства и реакции, прежде чем бежать туда, куда позовет его блистательный ум.

Он гордился мной - и нами обоими. Если бы не опасность оказаться на каторге в Рединге, он кричал бы с каждой крыши в городе о том, что я принадлежу ему, а он - мне.

Мне не хватает его. Мою потерю нельзя уместить в эти простые слова, но других слов для этого я не знаю. Мне и раньше приходилось скорбеть по ушедшим, и однажды я уже оплакивал Холмса. Но скоро, после окончания моей последней работы, и моей скорби придет конец”.

Джон обнял Шерлока покрепче.

Шерлок положил дневник на тумбочку, выключил свет и устроился на боку рядом с Джоном.

- Может, мы и правда их реинкарнации, - тихо сказал Джон.

- Ерунда. Таких вещей, как душа, карма или реинкарнация не существует.

- Угу.

Шерлок замолчал, и Джон снова стал засыпать.

- Я начинаю понимать, что имел в виду Ватсон, описывая свои чувства к Холмсу, - признался Шерлок.

- Я тоже, - сказал Джон.

Шерлок прижался к нему крепче.

- Спи. Тебе нужно отдохнуть.

- Правда?

- Завтра я собираюсь сделать тебе фелляцию.

- Ну, тогда мне и правда лучше отдохнуть.

- Спокойной ночи, Джон, - губы Шерлока так легко и мимолетно коснулись щеки Джона, что тому это могло и почудиться.

Улыбаясь в темноте, Джон позволил себе погрузиться в сон.